

85

0 М-26.
154

I. ТАБУРНО

355.48

Т 12

О СЕРБСКИХЪ БИТВАХЪ

БИБЛИОТЕКА

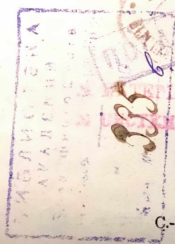
А.-ГВ. НЕКСГОЛЬМСКАГО

ПОЛКА.

У 81
912

6136

(Впечатлѣнія очевидца войны сербовъ
съ турками 1912 г.)

1432
763 1/6
СИСТЕМАТИЧ. КАТАЛОГА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1913

В 44952

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“, Эггелев 13

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Читателямъ.	5
Вмѣсто предисловія.	7
Войска турецкія и сербско-болгарскія.	15
Мобилизація и концентрація.	19
Сербскія военныя силы, ихъ распредѣленіе.— Объявленіе войны.	32
Дѣйствія арміи.—Кумановскій бой.	36
Послѣ боя.—Поле сраженія.	56
Причины пораженія и паника турокъ.	65
Качества сербскихъ войскъ.	77
Сдача Скопья и паника турокъ.	90
Бой у Прилѣпа.	105
Нѣсколько словъ о санитарной части.	111
Заключеніе.	123

ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Въ Сербіи, въ Бѣлградѣ, существуетъ весьма симпатичное учрежденіе, подъ названіемъ «Коло српскихъ сестара» (Общество сербскихъ сестеръ).

До войны съ Турціей это Общество имѣло своей задачей просвѣтительную работу между христіанскимъ населеніемъ въ бывшей Европейской Турціи.

Съ начала войны Общество это открыло въ Бѣлградѣ больницу на 200 кроватей, гдѣ содержатся и лечатся раненые за счетъ Общества.

Общество существуетъ на членскіе взносы и на добровольныя пожертвованія. Расходы въ настоящее время у Общества очень велики, средства же небольшія.

По окончаніи войны, когда дѣло просвѣщенія населенія въ завоеванномъ краѣ отойдетъ къ государству, Общество сербскихъ сестеръ рѣшило заняться матеріальной и медицинской помощью оставшимся въ завоеванномъ краѣ сиротамъ. Такихъ сиротъ сейчасъ очень много. Это дѣти селянъ, убитыхъ и замученныхъ арнаутами.

Какъ прежняя дѣятельность «Кола српскихъ сестара», такъ и настоящая, а равно и предполагаемая въ близкомъ будущемъ, не только весьма симпатична, но высоко гуманна и полезна, поэтому весь доходъ отъ продажи настоящаго моего произведенія предназначается этому весьма симпатичному учрежденію.

Думаю, что этимъ я пойду навстрѣчу добрымъ чувствамъ моихъ читателей.

Авторъ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Побѣда сербско-болгарскаго оружія,— побѣда русскаго знамени,— побѣда русскаго народа. Побѣда не потому только, что сербы и болгары намъ близки по крови, не потому только, что для созданія этихъ двухъ государствъ Россія понесла много жертвъ и пролила потоки крови, но главное—потому, что эта стража славянства— эта стража Россіи — сербско-болгарская армія, dokonчила начатую болѣе двухсотъ лѣтъ тому назадъ русскимъ народомъ борьбу Славянства противъ Полумѣсяца.

Великій русскій геній Петра Перваго вѣрно оцѣнилъ и опредѣлилъ роль Россіи въ качествѣ покровительницы славянства. Правда, его походъ противъ турокъ былъ неудаченъ, но идея освобожденія славян-

ства отъ турецкаго ига отъ этого не ослабла.

Вслѣдствіе противодѣйствія европейскихъ государствъ, видѣвшихъ въ объединеніи славянской расы большую для себя опасность, достиженіе этой идеи, могущей разрѣшиться однимъ ударомъ, должно было отодвинуться на два слишкомъ вѣка. Но великія идеи не погибаютъ, и потому мы являемся не только свидѣтелями осуществленія провозглашенной нами великой идеи, но и прямыми ея участниками, ибо въ этомъ осуществленіи участвуетъ наша плоть и наша кровь.

Какъ великія идеи не могутъ погибнуть, такъ и ни одинъ трудъ, ни одна работа, ни одна жертва въ природѣ не можетъ остаться безъ результатовъ, и Россія теперь и морально и матеріально удовлетворена, ея труды, ея жертвы дали желательные плоды,—дали ожидаемый результатъ.

Теперь стража славянства, наша впередъ выдвинутая вѣрная стража на Дунаѣ и Савѣ, на Эгейскомъ и Адриатическомъ моряхъ, окрѣпла и физически и морально. Если мы эту нашу стражу въ минуту ея утвержденія и укрѣпленія на новыхъ пози-

ціяхъ не оставимъ на произволъ врагамъ, стремящимся выбить ее изъ занятыхъ ею позицій, то мы въ будущемъ будемъ въ состояніи спокойно предаться работѣ по упроченію нашего экономическаго благосостоянія и достигнемъ этого, такъ какъ стража молодая, могучая будетъ бдить и оберегать отъ внезапнаго нападенія ядро славянской мощи.

Судьба сѣверныхъ славянъ—русскихъ, одинакова съ южными. Какъ сѣверные, такъ и южные славяне должны были переносить удары азіатовъ и являться заслономъ Европы отъ ихъ вторженія. И одни и другіе испытали иго азіатовъ. Теперь роли нѣсколько измѣнились. Россія остается той же преградой азіатамъ, южные же славяне, съ уходомъ турокъ за море, отъ этой роли освобождаются. За то на нихъ ложится обязанность сторожить на Дунаѣ отъ внезапнаго нападенія на Россію Европы, которая подъ вліяніемъ какого-то помраченія хочетъ ослабить и даже разрушить ту стѣну, которая одна лишь охраняетъ ее отъ нашествія желтой расы.

Если балканскіе славяне въ общей массѣ должны представлять стражу славянства,

стражу Россіи, то Сербія и Черногорія среди нихъ являются предстражею, и потому должны будутъ, какъ таковая, выдерживать всегда самый сильный натискъ. Поэтому они должны быть сильны и морально и матеріально, и на насъ лежитъ обязанность принять всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить этимъ государствамъ необходимую для этого мощь и крѣпость.

Наши конкуренты, или, говоря болѣе ясными словами, наши враги пускаютъ въ ходъ всѣ средства, чтобы эту предстражу или склонить на свою сторону, или же ослабить. Они ей сулятъ всякія блага, они ей обѣщаютъ и Адриатическое, и Эгейское моря, они ей предлагаютъ увеличеніе территоріи, средства для экономическаго развитія и увеличенія боевой силы, лишь бы она измѣнила своей естественной союзницѣ и стала въ ряды тройственнаго союза. Такое стремленіе весьма понятно; привлеки они Сербію и Черногорію, они бы имѣли полъ-милліона штыковъ лишнихъ, а полъ-милліона испытанныхъ, съ боевой репутаціей войскъ могутъ дать перевѣсъ въ окончательномъ сраженіи, какой-бы численности ни были воюющія стороны.

Но какъ бы ни были заманчивы предлагаемые соблазны, сербскій народъ (черногорцы тоже сербы) гнушается ихъ: они тверды характеромъ, тверды и вѣрны въ своей привязанности. Ни соблазны, ни угрозы разоренія неспособны сдвинуть ихъ съ пути. Но не одни расовыя чувства руководятъ сербами, а также и реальные интересы—обезпеченность самостоятельнаго существованія и дальнѣйшаго развитія. Исторія Сербіи намъ указываетъ, что соблазны были и прежде, и что всѣ тѣ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ поддавались этимъ соблазнамъ, безславно погибали. Мы знаемъ, какъ погибла династія Обреновичей,—исключительно изъ-за того, что она игнорировала привязанности сербскаго народа.

Эти привязанности, эти благородныя чувства необходимо лелѣять, не нужно ихъ искушать, ибо всему есть предѣлъ.

Русская дипломатія до сихъ поръ давала достаточно поводовъ для разочарованія—давала много матеріала въ руки тѣхъ, которые стремились свернуть сербскій народъ съ его идеалистическаго пути.

Въ настоящее время русская дипломатія не видитъ причинъ недовольства къ ней,—она говоритъ: «отъ насъ требовалось локализовать войну Балканскаго союза съ Турціей, мы этого достигли».

Не станемъ сомнѣваться въ искренности ея заявленія, но можно утверждать, что эту локализацию нельзя приписывать исключительно работѣ дипломатіи, она произошла главнымъ образомъ отъ того, что вся Европа, въ томъ числѣ, думаю, и наша дипломатія, была болѣе, чѣмъ увѣрена, что Балканскій союзъ потерпитъ пораженіе.

Одни лишь сербы и болгары были увѣрены въ побѣдѣ, они одни знали свои силы. Знали настроеніе своего народа,—вѣрили въ него, они знакомы были съ дѣйствительнымъ положеніемъ Турціи и далеко не раздѣляли мнѣнія германскихъ инструкторовъ во главѣ съ фонъ-деръ-Гольцъ пашой, черезъ очки которыхъ смотрѣла вся Европа.

Сербскій и болгарскій народъ хотѣлъ побѣдить. Побѣда была нужна ему. Весь сербскій и болгарскій народы отъ мала до велика принималъ участіе въ борьбѣ.

Волевая сила народа передалась тѣмъ се-

лякамъ, которые, преобразовавшись въ войска, собрались на границахъ Турціи, чтобы побѣдоносно шествовать черезъ свои историческія земли. Эта сконцентрированная волевая сила всего сербскаго и болгарскаго народовъ, поддержанная такой же волевой силою всего славянства, дала войскамъ побѣду.

Побѣда достигнута.—Она должна была быть.

Семнадцатаго сентября союзныя балканскія государства объявили мобилизацію. Черезъ два дня болѣе 600.000 человекъ было подъ ружьемъ; десятки тысячъ подводъ на лошадяхъ и быкахъ и вьючныхъ лошадей съ погонщиками были готовы тронуться за арміей въ походъ. Неслыханный фактъ въ исторіи.

Черезъ пятнадцать дней всѣ эти войска, всѣ эти подводы съ провіантомъ, муніціей и всѣмъ боевымъ матеріаломъ, сконцентрировались на границѣ непріятеля.

За необычайною по быстротѣ мобилизаціей и концентраціей войскъ послѣдовало такое же неслыханно быстрое пораженіе непріятеля.

Потребовалось не болѣе мѣсяца для того,

чтобы пала Имперія, которая нѣкогда навела страхъ на всю Европу, Имперія, которая еще вчера,—наканунѣ боя,—признавалась Европой сильной, побѣдоносной.

Развѣ Россія не должна гордиться этимъ успѣхомъ?

Не должна развѣ гордиться успѣхомъ ея былыхъ жертвъ, ея пролитой крови?

Развѣ она можетъ теперь хладнокровно смотрѣть, какъ ея враги хотятъ вырвать плоды побѣдъ у ея созданія — ея плоти и крови?

Хладнокровно смотрѣть, какъ хотятъ унижить, обезсилить, главнымъ образомъ нашу предстражу въ лицѣ Сербіи, штыки которой только что брали неприступныя позиціи турокъ, поражая ихъ на смерть; штыки, прикосновеніе которыхъ враги славянства уже чувствуютъ на себѣ?

Можетъ-ли Россія смотрѣть на это хладнокровно, имѣя войско, способное заставить cadaго уважать ея желанія, къ тому же естественныя и справедливыя!

Подумать объ этомъ страшно. Одна мысль о такомъ позорѣ, о такой безсиліи заставляетъ стынуть кровь въ жилахъ.

Войска турецкія и сербско-болгарскія.

Говорять, сербамъ и болгарамъ далась легко побѣда потому, что турецкія войска были дезорганизованы, плохо снабжены, голодны, неодѣты, босы и т. д. Все это вздоръ, неправда. Это сегодня говорятъ тѣ, которые вчера увѣряли и вѣрили въ силу и стойкость турецкой арміи. Я былъ свидѣтелемъ сраженій, я видѣлъ, какъ одни и другіе сражались и какъ одни и другіе были оборудованы.

Могу подтвердить, что турецкія войска были оборудованы и снабжены лучше, чѣмъ сербскія и болгарскія. Турецкія войска всѣ были хорошо обмундированы, тогда какъ часть сербскихъ и болгарскихъ войскъ не имѣла никакого обмундированія, а была въ своихъ селяческихъ одеждахъ. Всѣ турецкія

регулярная войска и большая часть арнаутовъ были вооружены скорострѣльными ружьями; лишь небольшая часть арнаутовъ имѣла мартинки; между тѣмъ какъ около ста тысячъ сербскихъ и столько же болгарскихъ солдатъ были снабжены нашими старыми берданками. Вся турецкая артиллерія была скорострѣльная, Круша, въ сербской арміи, думаю, также и въ болгарской, часть орудій была старыхъ системъ. Говорять, турки голодали. Возможно. Но я могу констатировать, что сербская армія также голодала—по три дня не получая хлѣба: это происходило вслѣдствіе быстрыхъ маршей и отсутствія на занимаемой территоріи мало-мальски удобныхъ путей сообщенія. То же самое было и въ болгарской арміи. Сербы нашли цѣлые нетронутые склады снаряженій и провіанта, нашли также много обмундированія. Говорять, медицинская часть Турціи была весьма плоха. Сербы захватили нѣсколько полевыхъ лазаретовъ, которые не чета сербскимъ какъ по устройству и оборудованію, такъ и по количеству и качеству медицинскаго матеріала и перевязочныхъ средствъ.

Наконецъ, говорятъ, артиллерійское снабженіе было плохо, снаряды не взрывались. И это невѣрно: производимыя сербами пробы падъ захваченными снарядами показали прекрасное качество этихъ снарядовъ, такъ что напрасно обвиняють заводъ Круппа въ поставкѣ плохого матеріала.

Все, что высказывается послѣ пораженія турокъ о ихъ плохой организаціи, это ничто иное, какъ желаніе оправдать бывшія мнѣнія о турецкой арміи и умалить результаты сербско-болгарскихъ побѣдъ (повторяю, подъ именемъ сербовъ подразумѣваю и черногорцевъ, ибо они также сербы).

Но вы спросите меня: если такъ хорошо была организована турецкая армія, гдѣ же причины такого неслыханнаго пораженія?

Причина пораженія турецкой арміи лежитъ съ одной стороны въ отсутствіи въ турецкой арміи моральныхъ основъ, расшатанныхъ разными пертурбаціями послѣдняго времени,—въ отсутствіи энтузіазма и въ турецкомъ фатализмѣ: передъ войною вы могли слышать въ кофейняхъ Салоникъ, Скопья, какъ старые турки, старые муллы, съ грустью говорили: «должно быть при-

шелъ конецъ нашему владычеству въ Европѣ; если мы даже и побѣдимъ болгаръ и сербовъ, ихъ дѣло продолжитъ Россія и пораженіе наше неминуемо».

Съ другой же стороны высокія моральныя качества сербско-болгарскихъ войскъ, глубокое сознаніе необходимости побѣды, энергичное стремленіе къ ней, участіе всей націи въ борьбѣ и высокій, глубокий, неповерхностный энтузіазмъ въ войскахъ и во всемъ народѣ.

Причина побѣды балканскихъ союзниковъ вамъ будетъ ясна, когда я расскажу о мобилизаціи, концентраціи и дѣйствіяхъ соединенныхъ армій.

Мобилизація и концентрація войскъ.

Я былъ свидѣтелемъ этого лишь въ сербской арміи, но передъ военными дѣйствіями былъ въ Болгаріи, познакомился тамъ съ настроеніемъ народа, а о мобилизаціи и дѣйствіяхъ болгарской арміи слыхалъ отъ очевидцевъ.

Все, что я узналъ о болгарской арміи, такъ однородно съ тѣмъ, что я видѣлъ въ сербской арміи, что, мнѣ кажется, какъ будто это одинъ народъ, одна армія, полная одинаковаго чувства, съ одинаковыми качествами.

Какъ раньше я сказалъ, болгарамъ и сербамъ были хорошо извѣстны силы Турціи. Они были увѣрены въ побѣдѣ, но нельзя было мѣшкать, нельзя было дать Турціи выиграть время, дать ей улучшить условія,

нужно было нанести ей пораженіе возможно скорѣе. Вотъ почему никакіе совѣты даже друзей не могли удержать сербовъ и болгаръ, ибо они сознавали, что въ настоящее время они сами могли справиться съ Турціей, тогда какъ позже пожалуй потребова-лась бы чужая помощь, слѣдовательно могли явиться осложненія, передъ которыми каждый задумался бы.

И вотъ 17 сентября балканскія государства объявили мобилизацію. Мобилизація эта была замѣчательно выполнена, она сама собою могла служить показателемъ неминуемой побѣды. Врядъ-ли что-либо подобное случалось въ исторіи человѣчества.

Я былъ свидѣтелемъ сербской мобилизаціи, но все, что было въ Сербіи, въ полной мѣрѣ было и въ Болгаріи.

Въ день объявленія указа о мобилизаціи всѣ самые далекіе закоулки Сербіи знали уже о ней. Достигнуто это было тѣмъ, что на всѣхъ возвышенностяхъ были приготовлены большіе костры, которые вспыхнули по общему сигналу. Такимъ образомъ въ теченіе одного часа, какъ только наступила ночь, вся Сербія знала о мобилизаціи.

Въ ту же еще ночь направились сербы въ назначенныя мѣста, чтобы предоставить себя въ распоряженіе властей. Явились всѣ, кто только могъ передвигать ноги; явились призываемые и непризываемые, явились всѣ семьи, со всѣмъ, что только могло принести пользу на войнѣ. Явились военные призывные, явились ихъ отцы, братья, со своими лошадьми, быками, подводами; явились ничего неимущіе, предлагая себя въ погонщики и санитары. Все и вся явилось, не желая вознагражденія за отдаваемое. Не жалѣя ни себя, ни своего добра, лишь бы одолѣть врага. Не слышно криковъ, возгласовъ, шумнаго энтузіазма, который такъ легко проходить, но у всякаго серьезное сознаніе трудности, твердая воля побѣдить, какихъ бы то жертвъ ни стоило. Не было нужды въ полицейскомъ принужденіи, ему не было абсолютно никакого примѣненія; всѣ явились добровольно, въ силу сознанія необходимости выполнить долгъ, который отъ нихъ требуетъ родина, требуетъ національная совѣсть.

Видя этотъ глубокій патріотизмъ, этотъ священный огонь, восплавшій въ душѣ

каждаго, видя эти сцены личного и имущественнаго безкорыстнаго жертвованія, не разъ у меня надвигалась слезы умиленія, и я все болѣе и болѣе убѣждался въ побѣдѣ балканскаго союза; для меня побѣда становилась все яснѣе, опредѣленнѣе и неизбѣжнѣе.

Черезъ два дня подь оружіемъ была уже вся военная сила Сербіи. По мѣрѣ прибытія резервистовъ, имъ выдавалось оружіе и обмундировка. Послѣ подсчета явившихся, ихъ оказалось на 90,000 больше того количества, которое можно было вооружить скорострѣльными ружьями. Этотъ избытокъ вначалѣ не требовался, онъ нуженъ былъ впоследствии, для занятія гарнизонной службы въ самой странѣ и въ занимаемыхъ новыхъ мѣстахъ, при чемъ вооруженіе его могло производиться лишь русскими старыми берданками, обмундированія же для него не было совсѣмъ запасено. Эта часть—старшій классъ запасныхъ—должна была служить въ своихъ одеждахъ. Съ большимъ трудомъ удавалось отбирать у старшаго класса запасныхъ выданные имъ раньне ружья—всѣ они хотѣли идти въ дѣйствующую армію.

Были случаи, что офицеры, лишенные физической возможности участвовать въ походѣ вслѣдствіе тяжелой болѣзни, въ отчаяніи застрѣливались.

Въ теченіе трехъ дней явилось 95% призывныхъ. Черезъ недѣлю ихъ было 98%, лишь 2% оказались больными, но и изъ этихъ многіе явились, прося ихъ взять, въ надеждѣ поправиться въ дорогѣ.

Вы думаете, что слышенъ былъ плачь матерей, женъ, сестеръ, отправляющихъ своихъ близкихъ на возможную смерть, этотъ неизбѣжный въ такомъ случаѣ плачь, какъ бы сознаніе и энтузіазмъ ни были развиты? Нѣтъ. если какая-нибудь баба и проливала тихо невольныя слезы, ее сейчасъ останавливали, пристыжая:

— Какъ не стыдно плакать, — такое святое дѣло!

Устыженная отвѣчала:

— Я не плачу, что жалѣю, а плачу отъ умиленія, что съ такой радостью идутъ всѣ освобождать нашихъ братьевъ, плачу отъ того, что дождалась это увидѣть.

И эти рѣчи изъ устъ простыхъ женщинъ были искренни, эти рѣчи говорили, что побѣда обезпечена.

Въ Сербіи кавалеристы являются на службу со своими лошадьми и сѣдлами. Меня поразило прекрасное состояніе и породы лошадей явившихся резервистовъ. Подумалъ, что всѣ эти лошади приобрѣтены за границей. Оказалось, что нѣтъ. Правительство, съ цѣлью улучшенія породы, раздаетъ во всѣ уѣзды состоятельнымъ крестьянамъ породистыхъ лошадей для улучшенія расы. Каждый, кто хочетъ, можетъ ихъ использовать. Много среди нихъ есть и русскихъ производителей.

Такъ же обстоитъ дѣло и съ рогатымъ скотомъ. Благодаря такой разумной мѣрѣ, въ Сербіи съ каждымъ годомъ улучшается порода лошадей и рогатаго скота и военное вѣдомство уже теперь почти что обходится мѣстными лошадьми—весьма мало приобрѣтая ихъ за границей. Лошади резервистовъ были въ прекрасномъ тѣлѣ.

На мой вопросъ по этому поводу, обращенный къ одному резервисту, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Мы уже три года какъ готовимся, бережемъ и лелѣемъ своихъ лошадей, поэтому они у насъ въ такомъ хорошемъ состояніи.

Какъ оказалось, Сербія была прекрасно подготовлена къ войнѣ. Могу утверждать, что лучше всѣхъ союзниковъ. Оружіе, обмундированіе, снаряженіе, обозъ, все было въ достаточномъ количествѣ и въ лучшемъ видѣ. Денежныя средства также оказались налицо, болѣе ста милліоновъ. Она даже была въ состояніи удѣлить кое-что союзникамъ.

Подумать, что всего четыре года тому назадъ, во время провозглашенія Австріей анексіи Босніи и Герцеговины, Сербія ничего еще не имѣла, ибо если бы Сербія была хоть мало-мальски готова къ войнѣ, неминусомъ затѣяла бы драку съ Австріей—таково было настроеніе. Она принуждена была проглотить предложенную графомъ Эренталемъ «пилюлю» только потому, что для войны у нея ничего не было готово.

И вдругъ, черезъ четыре только года, она оказалась во всеоружіи своей силы, хотя сравнительно и скромной по размѣру, но весьма внушительной по качеству.

Какъ это произошло?

Съ воцареніемъ династіи Карагеоргіевичей исчезъ тотъ режимъ личнаго харак-

у серб
афио
10%
у болг
итт

тера, который давилъ народный духъ, парализовалъ проявленіе самосознанія, убивалъ инициативу и у отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей и у массы народа, режимъ, который и былъ причиною несчастья Обреновичей.

Король Петръ лучше понялъ духъ сербскаго народа и его особенности. Онъ самъ изъ этого народа, въ немъ течетъ чистая сербская кровь, онъ обладаетъ всѣми качествами серба, и въ немъ, какъ у всѣхъ сербовъ, развитъ поэтический духъ. Духъ этотъ развился и воспитался на былинахъ и пѣсняхъ, прославляющихъ геройскіе подвиги былыхъ богатырей когда-то мощнаго сербскаго царства, былыхъ воеводъ и героев послѣдняго времени, возстававшихъ и боровшихся въ-одиночку противъ угнетателей креста и свободы. У Карагеоргиевичей, какъ и у всѣхъ сербовъ, развитъ духъ свободы и способность на жертвы ради общественнаго блага.

И вотъ, вскорѣ послѣ воцаренія на сербскомъ престолѣ короля Петра Австрія, пользуясь нѣкоторой скорѣе растерянностью, чѣмъ слабостью Россіи, послѣ ея неудач-

ной войны съ Япоіеіеі, нанесла жестокій ударъ Сербіи, а также и Россіи, провозгласивъ анексію Босніи и Герцеговины.

Казалось, что сербы за тридцатилѣтній періодъ владычества Австріи этими землями уже приемирились съ мыслью и свыклись съ владычествомъ этими двумя чисто сербскими провинціями. Казалось, что провозглашеніе анексіи будетъ принято просто, какъ формальность. На дѣлѣ оказалось иначе.

Поэтическая натура большое значеніе всегда придаетъ формѣ. Обликъ играетъ большую роль—поэтъ округляетъ его, создаетъ изъ него то, чего его душа хочетъ—жаждетъ. Обнажите этотъ обликъ, представьте его въ его естественномъ, неприкрытомъ видѣ, и поэтъ приходитъ въ ужасъ.

Такъ произошло и съ сербскимъ народомъ, когда сняли форму временной оккупации Босніи и Герцеговины. Онъ увидѣлъ реальность и возмутился присвоеніемъ Австріей того, что привыкъ духовно считать своимъ.

Иллюзии исчезли, осталась голая правда: Боснія и Герцеговина—австрійскія.

Возмущенію сербовъ не было предѣла.

Но, увы, наружу выступила собственная нагота, слабость и безсиліе.

Сербскій народъ почувствовалъ тогда самымъ рѣзкимъ образомъ результатъ тридцатилѣтняго режима Обреновичей, режима личнаго, незаботящагося о народномъ благѣ, незаботящагося о поднятіи сербскаго государства до такой высоты, которая давала бы надежду однороднымъ племенамъ рассчитывать на защиту въ тяжелыя минуты.

Ударъ былъ чрезвычайно силенъ, онъ болѣзненно отозвался на каждомъ сербѣ, на каждой сербкѣ.

Но сербскій народъ не упалъ духомъ.

Кличъ «за дѣло» подхваченъ былъ всею страной.

На этотъ разъ съ народомъ былъ и его король, не чуждавшійся уже, какъ его предшественники, политическихъ дѣятелей, преданныхъ дѣлу народа, дѣлу сербства, тѣхъ дѣятелей, которые сербское дѣло тѣсно связывали съ общимъ славянскимъ дѣломъ, кои стремились къ тѣсному единенію и дружбѣ съ самымъ мощнымъ изъ славянскихъ народовъ—народомъ русскимъ. Король не отстранялъ отъ себя тѣхъ, ко-

торые всю свою политическую дѣятельность, всю политическую жизнь связали съ принципомъ искренней дружбы и привязанности къ Россіи.

Результаты такой политики короля Петра теперь налицо. Они не требуютъ поясненій.

Во всякомъ случаѣ, сербы за свое возрожденіе (иначе это назвать нельзя) должны быть благодарны Австріи, графу Эрен-талю.

И да будетъ это лучшимъ урокомъ для многихъ.

Изумительнѣй всего въ этомъ дѣлѣ то, что на матеріальную подготовку Сербіи къ войнѣ, на подготовку его войскъ, на общее настроеніе сербскаго народа, послѣ провозглашенія анексії, мало кто обратилъ должное вниманіе. Менѣе же всего знала объ этомъ Австрія, которую больше всего это должно было интересовать. Даже широко организованный австрійскій шпіонажъ въ Сербіи проглядѣлъ эту усиленную работу и лихорадочную подготовку какъ со стороны сербскаго правительства, такъ и всего сербскаго народа.

Пятаго октября, т. е. черезъ семнадцать дней, вся сербско-болгарская армія, въ количествѣ около 650,000 человѣкъ, съ обозомъ изъ десятковъ тысячъ повозокъ и вьючныхъ лошадей съ провіантомъ и снаряженіемъ, ждала уже приказанія вторгнуться въ предѣлы непріятеля, броситься въ жестокій бой на жизнь и смерть.

Такую быструю мобилизацію и концентрацію войскъ трудно себѣ представить, тѣмъ болѣе, что желѣзныя дороги какъ въ Сербіи, такъ и въ Болгаріи слишкомъ слабо оборудованы для успѣшной мобилизаціи. Передъ мобилизаціей въ Софіи и въ Бѣлградѣ я обращалъ вниманіе на плохое оборудование станцій желѣзныхъ дорогъ. Но то, чего въ техническомъ отношеніи не доставало, было дополнено сознаніемъ персонала, его исключительной работою, исключительной волей, и благодаря только этому удалось, какъ въ Сербіи, такъ и въ Болгаріи, желѣзнымъ дорогамъ произвести такую колоссальную работу, о которой нельзя и подумать, къ тому же безъ всякихъ инцидентовъ, безъ несчастныхъ случаевъ.

Большая хвала этимъ безвѣстнымъ работникамъ, трудъ которыхъ такъ мало замѣтенъ, но между тѣмъ весьма важенъ.

Видно, самъ Богъ сжалился надъ славянами, которые такъ много испытали и перенесли.

Сербскія военныя силы, ихъ распредѣленіе.— Объявленіе войны.

Сербскія военныя силы были раздѣлены на четыре арміи, задача которыхъ была развернуть фронтъ почти что въ 200 километровъ въ длину.

Вторая армія, подъ командой генерала Степановича, заняла лѣвый флангъ и направилась на болгарско-турецкую границу черезъ Болгарію—черезъ Кюстендиль.

Первая подъ командою Наслѣдника Сербскаго престола королевича Александра и третья армія генерала Янковича занимали центральное положеніе.

И четвертая армія, подъ командою генерала Живковича, занимала правое крыло, въ непосредственной близости къ боснійской границѣ.

Правду сказать, такой длинный фронтъ съ силою въ 250,000 человекъ, меня смущалъ; я опасался, что турки, сконцентрировавшись, могутъ поочереди разбить одну за другой все арміи.

Меня успокаивали тѣмъ, что силы и движеніе турецкой арміи точно извѣстны, и что соотвѣтственно этому намѣчено расположеніе и движеніе сербской арміи.

Все-таки я тревожился, ибо я знакомъ былъ съ топографіей мѣстности и съ трудностью передвиженія сербской арміи, лишенной путей сообщенія, тогда какъ турки имѣли въ своемъ распоряженіи желѣзную дорогу, хотя и не вполне оборудованную, но проложенную параллельно границѣ Сербіи, т. е. параллельно расположенію сербскихъ армій, и могли ею воспользоваться для концентраціи и передвиженія противъ той изъ сербскихъ армій, на которую они сочли бы для себя выгоднымъ напасть первоначально.

Результаты, однако, показали, что сербскій генеральный штабъ былъ весьма хорошо освѣдомленъ о намѣреніяхъ противника.

Кто-то старался доказать, что не турки объявили войну. Совершенно вѣрно. Турки считали ниже своего достоинства объявлять войну какимъ-то пигмеямъ—южнымъ славянамъ, которыхъ можно раздавить, какъ букашекъ.

Объявлять-то войну турки не объявляли, но еще за два дня до официальнаго объявленія войны балканскими государствами они напали на сербскія войска третьей арміи, расположенныя въ мѣстности около Мердари, гдѣ предполагено было проложить Адриатическую желѣзную дорогу. Нападеніе произведено было сравнительно большими силами: около двадцати тысячъ арнаутовъ и пять-шесть тысячъ регулярныхъ войскъ, съ нѣсколькими орудіями. Нападеніе было энергичное. Особенно сильно нападали арнауты. Бой продолжался два дня и закончился полнымъ пораженіемъ и бѣгствомъ турокъ, понесшихъ большія потери; но и сербы въ свою очередь понесли не мало жертвъ.

Тутъ впервые выказалось коварство арнаутовъ и турокъ: они два раза поднимали бѣлый флагъ,—знакъ сдачи,—и когда сербы

подходили, открывали по нимъ жестокою пальбу. Такимъ образомъ погибъ тамъ полковой командиръ.

Нельзя удивляться, если въ послѣдствіи сербы не давали арнаутамъ пощады и не вѣрили бѣлымъ флагамъ, хотя еще нѣсколько разъ за время войны и дали себя обмануть.

Дѣйствія арміи.—Кумановскій бой.

Седьмого октября, послѣ объявленія войны балканскими государствами, сербская армія двинулась впередъ.

Я могу болѣе подробно рассказать о дѣйствіяхъ первой сербской арміи, командуемой сербскимъ престолонаслѣдникомъ, королевичемъ Александромъ. Эта армія была самая большая: она была составлена изъ пяти дивизій, а именно: Моравской дивизіи перваго призыва, т. е. постоянной, Дунайской и Дринской дивизіи, также перваго призыва, Дунайской дивизіи втораго призыва, т. е. резервной, Тимочской дивизіи также втораго призыва и кавалерійской дивизіи, подъ командой князя Арсенія Карагеоргіевича. Такимъ образомъ, совокупное число войскъ первой арміи со-

ставляло около 120,000 человѣкъ. Всѣ же чѣтыре сербскія арміи, имѣвшія назначеніе дѣйствовать противъ турокъ, составляли около 260,000 человѣкъ и, кромѣ того, 70,000 человѣкъ третьяго призыва предназначены были для гарнизоновъ какъ внутри Сербіи, такъ и въ завоеванныхъ областяхъ. Всего Сербія мобилизовала 330.000 человѣкъ. Если къ этому прибавить обозныхъ, то окажется, что сербскій народъ выставилъ 13% всего своего населенія. Такой колоссальный процентъ въ состояніи дать лишь земледѣльческая держава и держава небольшая по размѣрамъ.

Какъ теперь выяснилось, вся турецкая македонская армія, предназначенная для борьбы противъ сербовъ и грековъ, была составлена изъ трехъ корпусовъ, или девяти дивизій пѣхотныхъ, по 10,000 человѣкъ въ каждой, трехъ отдѣльных дивизій, изъ четырехъ редифныхъ (резервныхъ) дивизій и четырехъ отдѣльных стрѣлковыхъ полковъ, всего пѣхоты около 175—180 тысячъ, а съ кавалеріей, артиллеріей и другими родами оружія—до 210—220 тысячъ регулярныхъ войскъ. Изъ нихъ для

дѣйствія противъ сербскихъ арміи предназначалось отъ 170 до 180 тысячъ, кромѣ арнаутовъ и волонтеровъ, численностью не менѣе 40,000, и противъ грековъ около 30 тысячъ регулярныхъ войскъ, кромѣ арнаутовъ и волонтеровъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что первоначально, до Кумановскаго боя включительно, сербскія войска имѣли численное превосходство боевой арміи на 40—50 тысячъ человѣкъ, но такъ какъ противъ второй сербской арміи силы турокъ были незначительны, то въ бою сербскихъ войскъ было не болѣе чѣмъ турецкихъ. Послѣ Кумановскаго боя сербы послали на помощь болгарской арміи подѣ Адрианополь около 70—75 тысячъ человѣкъ, такъ что на македонскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій въ сербской арміи осталось 180—190 тысячъ человѣкъ.

Какъ я раньше указалъ, сербскія войска 7-го октября перешли турецкую границу.

Первая армія направлялась по долинѣ Моравы вдоль желѣзной дороги Вранья—Салоники, на Куманово. На этомъ пути

она имѣла нѣсколько небольшихъ стычекъ. Болѣе важныя стычки были на горѣ Руянь, гдѣ было лишь нѣсколько баталіоновъ турецкихъ регулярныхъ войскъ, но большое число арнаутовъ. Сопротивленіе было сравнительно небольшое, вслѣдствіе численнаго превосходства сербовъ. Но каждую арнаутскую деревню приходилось брать съ боя: арнауты безъ отпора не хотѣли отдавать свои жилища. Въ деревняхъ этихъ оставались всѣ способные носить оружіе; дѣти, жены и старики отправлены были по направленію къ Скопю съ домашнимъ скарбомъ, для передвиженія котораго употреблялись христіане съ ихъ скотомъ.

Въ христіанскихъ селеніяхъ оставались лишь однѣ женщины, такъ какъ мужское населеніе, кромѣ успѣвшихъ скрыться въ горахъ, арнауты взяли для перевозки своего скарба. Женщины рыдали, зная расправу арнаутовъ. И дѣйствительно, лишь немногіе изъ христіанъ, взятыхъ арнаутами, возвратились къ своимъ домамъ.

Къ вечеру восьмого октября первая сербская армія была уже предъ Кумановымъ, на линіи Табановцы—Нагоричане. Вторая

же армія, по полученнымъ донесеніямъ, была недалеко отъ Овчего поля у Кратова, въ 45 километрахъ отъ Куманова. Первая армія осталась на этотъ день на мѣстѣ и здѣсь расположилась.

Что часть турецкихъ войскъ расположилась у Куманова, было извѣстно, но главнаго сраженія здѣсь не предполагалось.— Думалось, что оно будетъ на Овчемъ полѣ, гдѣ по извѣстіямъ было сосредоточено около 40 тысячъ турецкихъ регулярныхъ войскъ. Рекогносцировокъ, могущихъ открыть силы непріятеля, не производилось. Дѣлались рекогносцировки патрулями и лазутчиками, которые не могли дать точныхъ свѣдѣній о численности непріятеля. Полагалось обождать еще два-три дня, пока не приблизится третья сербская армія, которая 8-го октября находилась близъ Приштины, въ трехъ усиленныхъ переходахъ отъ Куманова и Скопья. Въ этомъ положеніи первая армія находилась весь день девятого и десятого утромъ.

Около десяти часовъ утра десятого октября турецкія войска атаковали кавалерійскую дивизію, находящуюся на лѣвомъ

флангъ первой сербской арміи, которая для отбитія нападенія спѣшилась. Атака была и на Дунайскую дивизію перваго призыва, расположенную также на лѣвомъ флангѣ, и на части Моравской дивизіи перваго призыва, расположенной въ центрѣ. Нападеніе было довольно неожиданное, и вначалѣ полагалось, что силы турокъ не большія. Думалось даже о демонстраціи. Поэтому для отбитія нападенія были выставлены сравнительно небольшія части. Лишь около двухъ часовъ дня выяснились, болѣе или менѣе, силы турокъ, и сербскія войска развили свои силы. Въ боевой линіи участвовали три пѣхотныхъ дивизіи и одна кавалерійская. Они заняли фронтъ длиною около тридцати километровъ, отъ деревни Кленовцы до деревни Ваксинцы. Двѣ дивизіи находились въ резервѣ.

Во время нападенія турокъ шелъ мелкій дождь, была мгла, поэтому трудно было уловить силу турокъ. Эти силы, какъ оказалось, состояли изъ семи пѣхотныхъ дивизій, низамовъ и редифовъ (около 70,000 человекъ) и двухъ или трехъ отдѣльных стрѣлковыхъ полковъ, всего около 75—80

тысячъ пѣхоты, а съ артиллеріей, кавалеріей и вспомогательными войсками не менѣе 90—95 тысячъ человѣкъ и 15—20 тысячъ арнаутовъ и добровольцевъ, въ общемъ, значить, 105—115 тысячъ человѣкъ и около 200 орудій.

Сербскія же силы составляли около 120 тысячъ и также около 200 орудій, при чемъ въ боевой линіи сербы имѣли не болѣе 80,000 человѣкъ, тогда какъ турки всѣ свои силы двинули въ бой.

Десятаго октября атаки турокъ на сербскомъ лѣвомъ флангѣ были особенно упорны. Сербская артиллерія вначалѣ не могла успѣшно дѣйствовать, вслѣдствіе мглы и мелкаго, но постояннаго дождя.

Въ то время, какъ седьмой турецкій корпусъ производилъ упорныя атаки на сербскомъ лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, шестой турецкій корпусъ дѣлалъ стратегическое движеніе въ обходъ праваго сербскаго фланга.

На лѣвомъ сербскомъ флангѣ атаки были иногда такой силы, что, казалось, вотъ-вотъ сербы дрогнуть, не смогутъ устоять, но своевременнымъ введеніемъ въ бой свѣжихъ силъ атаки турокъ разбивались.

Сербскій 18-й полкъ, потерявъ большинство своихъ офицеровъ и понесъ большія потери, уже началъ было отступать. Въ это время немного разъяснилось и выступили впередъ на позицію два сербскихъ орудія. Командиръ батареи, видя отступление полка, послалъ приказъ офицеру, командующему этими двумя орудіями, подтянуться назадъ. Но офицеръ, замѣтивъ подоспѣвшее подкрѣпленіе, рискуя даже потерять, въ случаѣ неудачи, орудія, но въ случаѣ удачи спасая положеніе, не снялся, а открылъ огонь по турецкой батарее, поражавшей сербскіе ряды. Очень скоро, въ какихъ-нибудь двѣ-три минуты интенсивнаго огня, онъ привелъ въ молчаніе эту турецкую батарею. Покончивъ съ нею, немедленно открылъ огонь по турецкой пѣхотѣ, которую онъ удачно началъ осыпать шрапнелью, и заставилъ турокъ отступить, давъ возможность 18-му полку съ прибывшимъ подкрѣпленіемъ перейти въ контръ-атаку. Такимъ образомъ, оказавшееся слабое мѣсто сербовъ было удачно защищено отъ возможнаго прорыва и не только защищено было отъ прорыва и отбиты атаки турокъ, но

турки обращены были въ бѣгство, оставивъ свою батарею. И весьма возможно, что офицеръ прекраснымъ дѣйствіемъ своихъ двухъ орудій спасъ положеніе. Вотъ что значитъ хорошій артиллерійскій огонь хотя бы двухъ орудій, съ хорошимъ, сообразительнымъ офицеромъ во главѣ.

Къ тремъ часамъ дня атака турокъ на сербскомъ лѣвомъ флангѣ ослабѣла и мѣстами сербы начали переходить въ контръ-атаку. Сербы своевременно обнаружили стратегическое движеніе шестого турецкаго корпуса въ обходъ праваго фланга и приняли надлежащія мѣры, вслѣдствіе чего турки должны были отказаться отъ дальнѣйшаго движенія въ этомъ направленіи.

Къ шести часамъ вечера бой прекратился. Сербы не только удержали свои позиціи, но мѣстами продвинулись впередъ.

Небо раскрылось, очистилось совсѣмъ отъ тучъ, взошелъ мѣсяцъ и освѣтилъ поле сраженія.

Около семи часовъ вечера турки предприняли почную атаку противъ Дунайской дивизіи перваго призыва, расположенной на лѣвомъ флангѣ. Въ дѣло была пущена не

только пѣхота, но и артиллерія. Сербы дружно встрѣтили турокъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ. Ночной бой продолжался до 11½ часовъ ночи. Онъ былъ очень упорный, турки жестоко напирали, но сербы стойко держались и временами бросались на нападающихъ въ атаку. Необходимо обратить вниманіе на очень важный фактъ—на то, что ночью артиллерія дѣйствовала съ весьма немалымъ успѣхомъ. Правда, ночь была свѣтлая.

Сербская армія ночью приготовилась, чтобы на слѣдующее утро взять въ свои руки инициативу и предпринять общую атаку всею арміею по всему фронту.

Ночь была морозная, костровъ не раскладывали; было холодно, особенно въ одеждѣ, намокшей отъ дождя, падавшего почти цѣлый день. Несмотря на это, войска, уставшія отъ дневного и ночного боя, крѣпко заснули.

Ясное небо и блескъ звѣздъ предвѣщали солнечный, свѣтлый день.

На ночь я возвратился въ квартиру штаба арміи—въ турецкую казарму, чтобы послать телеграмму о бывшемъ боѣ, но, увы,

не удалось найти человека, съ которымъ можно было отправить депешу, а телеграфъ арміи не принималъ никакихъ частныхъ телеграммъ.

Не спалось всю ночь, думалось о завтрашнемъ боѣ, который, мнѣ казалось, долженъ былъ имѣть большое значеніе, во всякомъ случаѣ моральное, такъ какъ это былъ первый серьезный бой сербскихъ войскъ съ регулярной турецкой арміей.

Вдругъ турки возьмутъ верхъ!—лѣзло въ голову.

Но увѣренность въ сербскую армію росла, когда я обсуждалъ дѣйствія, имѣвшія уже мѣсто.

Всталъ еще до зари. Королевичъ Александръ былъ уже на ногахъ и автомобиль его ждалъ готовый.

Какъ только начало разсвѣтать, опъ, въ сопровожденіи начальника штаба его арміи, полковника (нынѣ генерала) Боевича, помчался на поле сраженія.

Напившись на скорую руку чаю, встѣдъ за королевичемъ и я отправился въ экипажъ. Со мной съѣли начальникъ санитарной части первой арміи, полковникъ док-

торь Чеда Джурджевичъ и интендантъ первой арміи подполковникъ Ивановичъ.

Отъ квартиры до поля сраженія было около пятнадцати верстъ.

Мы не сдѣлали еще полъ-пути, какъ началась канонада по всему фронту.

Разгорался кровавый бой. Гулъ орудій разносился по долинѣ.

По дорогѣ встрѣчали нѣкоторыя части войскъ, спѣшившія на бой, и большую вереницу подводъ со снарядами и принадлежностями санитарныхъ отрядовъ. Всѣ безъ суеты спокойно двигались впередъ.

По мѣрѣ приближенія къ бою все яснѣе становилось рокотаніе ружейной пальбы и рѣзкій непрерывный трескъ пулеметовъ, подъ могучій гулъ чуть-ли не полутысячи орудій.

Вотъ уже навстрѣчу начали появляться легко раненые, которые сами направлялись на перевязочный пунктъ, находившійся здѣсь вблизи въ низинѣ, около деревни Табановцы. На минуту мы остановились, такъ какъ главный врачъ дѣлалъ распоряженія, гдѣ размѣстится полевому лазарету.

Еще немного впередъ, и мы уже на пози-

ціяхъ, занимаемыхъ утромъ сербскими войсками.

Семь съ половиною часовъ утра. Войска далеко продвинулись впередъ. Всюду пусто, здѣсь нѣтъ уже ни одной подводы, ни одной воинской части. Временами лишь проскачетъ верховой съ приказаніями. Кое-гдѣ лежать тяжело раненые, которыхъ не успѣли подобрать. Труповъ совсѣмъ мало, два-три, по крайней мѣрѣ на охватываемомъ глазомъ пространствѣ.

Становится жутко, скорѣе отъ этого почти одиночества, когда впереди слышишь клочкотаніе большой, упорной и кровавой битвы. Но на душѣ спокойнѣе, веселѣе,—вѣдь наши идутъ впередъ.

Бдемъ еще километра два. Идутъ раненые уже болѣе густо. Вотъ раненый въ руку ведетъ раненаго въ ногу. Вотъ плетется весь облитый кровью, несутъ на носилкахъ тяжело раненаго. Еще и еще раненые... Вотъ, еле передвигая ноги, идетъ пожилой солдатъ; все лицо залито кровью. Онъ дальше идти не можетъ. Около трехъ километровъ прошелъ уже онъ пѣшкомъ. Садится. Мы выходимъ изъ экипажа. Докторъ

осматриваетъ его, удивленно качаетъ головою. Пуля попала въ лобъ и вышла въ затылокъ. Подозвали санитарный патруль съ носилками. Раненаго кладутъ на носилки, но какъ только онъ закинулъ голову—смерть наступила моментально.

Ни одного стога раненыхъ—изумительное терпѣніе!

Мы уже весьма близко къ бою; нѣтъ-нѣтъ, слышишь свистъ высоко летящей пули. Нѣтъ-нѣтъ высоко надъ головами съ шумомъ разрывается шрапнель. Выходимъ изъ экипажа; прошли еще пѣшкомъ съ полъ-километра впередъ.

Вышли на гребень, и передъ нами какъ бы амфитеатромъ раскрылась картина боя.

На противоположномъ берегу, примѣрно въ двухъ километрахъ, еще находились турки. Сербскія войска спускались въ долину.

Мы выбрали одну возвышенность близъ деревни Копяры, откуда открывался почти что весь фронтъ боя.

Главный бой опять-таки былъ на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ. На правомъ флангѣ онъ былъ менѣе интенсивенъ.

Я впи́лся биноклемъ въ противоположный берегъ и не могъ оторваться отъ зрѣлища. Турки оставляли позицію за позиціей. Сербы энергично наступали безъ отдыха.

Отъ времени до времени слышно было дружное «напредъ» (гораздо менѣе внушительное, чѣмъ наше ура).

Наконецъ, на противоположномъ берегу появились наши войска. Теперь уже чувствовалось, что турки потеряли сраженіе. Но сербамъ нужно было взять еще другую линію болѣе высокихъ холмовъ.

Теперь намъ были видны дѣйствія обѣихъ армій. Весело было смотрѣть, какъ сербскія войска наступаютъ. Они весьма рѣдко окапывались: наступленіе было такъ энергично, что имъ некогда было окапываться,—просто лягутъ, пострѣляютъ немного лежа и опять впередъ; опять лягутъ и опять впередъ и т. д. Дойдутъ близко до высотъ, занимаемыхъ турками, кличъ: «напредъ», значитъ въ штыки идутъ, и турки бѣгутъ.

Какъ разъ передъ нами наступалъ 13-й полкъ.

Проскакалъ мимо насъ верховой.

— Не видали-ли вы выучный обозъ съ патронами? — полкъ остается безъ патроновъ.

— Нѣтъ.

Верховой скачетъ дальше.

Еще одинъ верховой съ тѣмъ же вопросомъ и заявленіемъ, что полкъ остался всеѣмъ безъ патроновъ.

А обоза все нѣтъ и нѣтъ.

Наконецъ, нашъ интендантъ самъ отправился на розыски, но также безрезультатно.

Я же смотрю на колонну и по трескотнѣ пальбы чувствую, что патроны у нея на исходѣ.

Въ штыки бы ударили, думаю. Только что явилась у меня эта мысль, слышу крикъ «напредъ», колонна поднялась и бѣгомъ бросилась вверхъ, а до позицій турецкихъ не менѣе четыреста-пятьсотъ шаговъ.

— Молодцы! — невольно вырвалось у меня.

Турки побѣжали...

Къ одиннадцати часамъ полное отступление турокъ.

Черезъ далекіе верхи въ бинокль замѣтны густыя отступающія толпы.

— Это, вѣрьте мнѣ, — говорю своимъ спутникамъ, — беспорядочное отступление.

Поворачиваю бинокль по направленію къ желѣзной дорогѣ (вправо отъ насъ). Ясно вижу, какъ у полотна желѣзной дороги стала одна турецкая батарея. Очевидно, имѣетъ задачею защищать здѣсь отступление. «Врядъ ли удастся ей выбраться», думаю я.

Блеснули огни изъ жерлъ пушекъ, грохнули одинъ за другимъ выстрѣлы изъ всѣхъ четырехъ орудій. Смотримъ, куда они направлены, и видимъ, что они врѣзываются въ сербскую колонну, какъ разъ находящуюся противъ насъ. Колонна густая, вѣроятно находилась въ складкѣ мѣстности, гдѣ, не подвергаясь ружейному огню непріятеля, — очевидно, остановилась на минуту, чтобы перевести духъ.

Одинъ, другой залпъ и все въ колонну. Колонна какъ-то раздвоилась; одна часть пошла впередъ, другая, видимо, дрогнула и повернула лицомъ къ намъ.

Я весь впился взоромъ въ колонну, дышу

прерывисто, учащенно, что-то говорить кругомъ, но я не слышу.

Вижу хорошо: два офицера—подняли сабли, вижу ихъ блескъ, команды не слышу, далеко, но чувствую, что они кричатъ: «стой, напредъ, брачо», и колонна сразу поворачивается и съ крикомъ «напредъ», быстро идетъ въ штыки.

Пока я смотрѣлъ на эту изумительную сцену, какую никогда не видалъ и, вѣроятно, никогда не увижу, турецкая батарея, только что громившая сербскую колонну, чуть не заставившая ее отступить, замолчала.

Поворачиваю къ ней голову и вижу изумительное зрѣлище: на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла турецкая батарея, на высотѣ 10—15 метровъ отъ земли образовалась какъ бы шапка бѣлаго пара: это бѣлый дымъ только что взорвавшихся шрапнелей сербской батареи, расположенной на правомъ сербскомъ флангѣ. Произошло все это гораздо скорѣе, чѣмъ можно рассказать, въ какихъ-нибудь двѣ-три минуты.

Турецкія войска отступаютъ дальше, а пушки этой батареи, онѣ хорошо были мнѣ видны въ бинокль, остались на мѣстѣ.

Сербскія войска все дальше и дальше продвигаются впередъ. Вижу, какъ они подходятъ къ желѣзнодорожной станціи. Станція пуста. Виднѣвшіеся раньше здѣсь поѣзда уже ушли, увозя отступающія турецкія войска.

Въ одинъ часъ дня огонь становится все менѣе и менѣе интенсивнымъ и рокотаніе пальбы медленно, какъ замирающіи вдали крикъ журавлей, прекращается.

По всему фронту уже тихо.

Смотрю на часы: ровно два часа дня.

Два часа дня 11-го октября 1912 года. Пятьсотъ двадцать три года тому назадъ турки недалеко отсюда, на Коссовомъ полѣ, разбили сербскія войска, и пало сербское царство. Съ тѣхъ поръ сегодняшняя битва между сербами и турками является самой большой и, пожалуй, для сербовъ не меньшаго значенія, чѣмъ Коссовская битва.

День Кумановскаго боя отнынѣ является историческимъ днемъ для сербовъ. Его давно ждали сербскій народъ—пять столѣтій. Пять вѣковъ подрядъ сербскій народъ обращалъ свой взоръ и молитву къ Всевышнему о дорованіи ему этого дня. Наконецъ

Богъ смилвался надъ ними и 11 октября 1912 года молитва сербовъ была услышана.

Какъ бы хорошо ни было видно сраженіе, зритель получаетъ впечатлѣніе лишь отдѣльныхъ эпизодовъ, общая же картина боя недоступна одному зрителю, и тѣмъ болѣе нельзя судить о причинахъ успѣха или пораженія. Для этого, кромѣ личнаго наблюденія отдѣльныхъ сценъ, дающихъ соотвѣтственныя впечатлѣнія, необходимо имѣть свѣдѣнія и отъ другихъ очевидцевъ и участниковъ сраженія. И вотъ только совокупность такихъ наблюденій, собранныхъ мной въ обѣихъ арміяхъ, вмѣстѣ съ осмотромъ поля сраженія, съ остатками на немъ боевой дѣятельности той и другой армій, дали мнѣ возможность составить болѣе или менѣе опредѣленное заключеніе. Но, прежде чѣмъ изложить это мое заключеніе, я долженъ нарисовать нѣкоторыя картины поля сраженія, хотя сознаю, что описаніе мое будетъ очень блѣдно и далеко отъ реальности.

Послѣ боя. — Поле сраженія.

Прежде всего отправимся посмотрѣть, что случилось съ турецкой батареей, замолкнувшей отъ дѣйствія сербской артиллеріи.

Спускаемся съ пункта наблюденія въ долину рѣчки Банянска—по пути наступленія сербовъ и отступленія турокъ.

Сербскихъ труповъ немного—единицы. Среди турецкихъ труповъ—больше арнауты. Раненые турки попадаются рѣдко, исключительно тяжелые; всѣхъ раненыхъ своихъ турки убрали. За то сербовъ раненыхъ порядочно и все тяжелые, — легкіе сами выбрались.

Въ сербской арміи войска, находящіяся въ бою, не выносятъ раненыхъ, это лежитъ исключительно на обязанности санита-

ровъ, которые, надо признаться, не очень охотно идутъ туда, гдѣ свистятъ пули. У турокъ же — раненыхъ выносятъ солдаты изъ строя. Можетъ быть, и у нихъ не должно было бы быть этого, но на самомъ дѣлѣ это такъ, поэтому, по мѣрѣ увеличенія раненыхъ не только отъ одной этой причины ряды турокъ сильно рѣдѣютъ.

Нигдѣ не видно ни одного окопа, гдѣ залегали бы сербскія войска. Значить — наступленіе происходило въ открытую, подъ защитой лишь природныхъ прикрытій, хотя ихъ здѣсь весьма мало, почти нѣтъ совсемъ. Мнѣніе, что энергическое наступленіе пѣхотою нужно вести безъ окапыванія — въ Кумановскомъ бою оправдилось. При окапываніи потери получались большія.

Приближаемся къ замолкнувшей турецкой батарее. Издалека, кромѣ пушекъ, видимъ много черныхъ предметовъ. Чѣмъ ближе подходимъ, тѣмъ яснѣе представляется намъ картина страшнаго дѣйствія артиллеріи.

Вотъ первая пушка: наводчикъ съ разбитою головою лежитъ, перекинувшись че-

резъ пушку; за нимъ, какъ бы застывши, другой солдатъ съ громаднымъ патрономъ въ рукахъ лежитъ, склонившись на лафетъ, какъ бы готовясь вложить этотъ патронъ въ отверстіе пушки. Дальше еще одинъ солдатъ, распростертый на землѣ. И такъ около всѣхъ четырехъ орудій до двадцати человѣкъ убитыхъ солдатъ орудійной прислуги въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Раненыхъ ни одного, всѣхъ ихъ вынесли.

Немного подальше со всѣхъ сторонъ лежатъ убитыя и раненыя лошади въ полной упряжи. Они такъ разбросаны, очевидно, потому, что смерть ихъ настигла въ тотъ моментъ, какъ онѣ бросились бѣжать отъ шрапнельнаго огня. Ближе всѣхъ къ орудіямъ лежитъ шестерка лошадей, запряженныхъ вмѣстѣ: должно быть ихъ приготовили, чтобы увезти орудіе; четыре изъ нихъ убиты на смерть, двѣ ранены; раненыхъ мы добились.

Въ общемъ, въ двѣ-три минуты интенсивнаго огня сербской батареи была перебита почти вся прислуга турецкой батареи съ упряжкой, т. е. со всѣми лошадьми. Эффектъ поразительный.

Направляемся къ городу Куманову. Чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ больше попадаетъ труповъ турокъ. На одного турецкаго солдата, по крайней мѣрѣ, два арнаута. Раненыхъ весьма мало. Видны кое-гдѣ и сербскіе трупы, но больше раненые; санитары выносятъ исключительно тяжело раненыхъ. И здѣсь стоновъ не слышно.

Вотъ еще одна турецкая батарея. Здѣсь труповъ меньше, всего пять-шесть, лошадей тоже только штукъ восемь.

Смотрю въ бинокль впередъ, замѣчаю еще одну брошенную батарею.

Лишь теперь начинаю ориентироваться и давать себѣ отчетъ въ происшедшемъ: это форменное бѣгство турецкихъ войскъ.

Солнце близится къ закату, нужно торопиться въ Куманово.

Двигаясь по полю сраженія, слышишь то справа, то слѣва одинокіе выстрѣлы. Это или стрѣляютъ по насъ раненые арнауты, бывали случаи, что и убивали; или же раненые сербы даютъ знать о себѣ, чтобы ихъ не оставили на полѣ на ночь; и то, и другое бываетъ.

Приближаемся къ городу. Сербскихъ

войскъ въ немъ нѣтъ: имъ некогда было занимать городъ—они преслѣдуютъ разбитаго непріятеля.

Входимъ въ Куманово; населеніе со старостою насъ встрѣчаетъ, поздравляетъ съ побѣдой.

— Освободители придутъ еще, говоримъ мы,—мы такъ, просто празднующіеся.

Идемъ по улицѣ; вдругъ выстрѣлы.

Откуда они?

— Изъ домовъ и мечети,—говоритъ старшина.—Очевидно, заперлись тамъ, не хотятъ сдаваться.

Зашли мы за уголъ дома; не знаемъ, что дѣлать: назадъ идти стыдно, — впередъ опасно.

Въ это время къ городу приближается чета волонтеровъ. Разсказываемъ, въ чемъ дѣло.

Чета быстро разыскается по улицамъ.

Трахъ... трахъ... начинается пальба...

Черезъ полъ-часа путь свободенъ, идемъ дальше.

По мѣрѣ того, какъ проходимъ по улицѣ, узкой, грязной, съ налѣпленными другъ на друга узкими деревянными домиками,

которые только и остается, что поджечь, насъ все болѣе и болѣе охватываетъ ужасъ, и настроеніе дѣлается жестокимъ отъ постепенно раскрывающихся передъ нами тяжелыхъ картинъ.

Вотъ лежитъ старикъ-крестьянинъ съ разможженной головой.

Далѣе дѣвушка, или, быть можетъ, молодая женщина, съ отрѣзанными грудями.

Еще далѣе мальчикъ, лѣтъ четырнадцати.

Затѣмъ старикъ.

Изуродованная женщина.

Мужъ и жена лежатъ рядомъ, изуродованные такъ, что рассказать нельзя.

Старшина ведетъ насъ въ погребъ: здѣсь скрылись было двѣ семьи.

Человѣкъ двѣнадцать дѣтей и женщинъ, одинъ старикъ; теперь всѣ они мертвые, изуродованные.

Это дѣло рукъ арнаутовъ.

Толкуютъ культурные дипломаты о какой-то автономіи Албаніи, гдѣ бы эти арнауты сами были хозяевами. Чуть-ли не европейская война можетъ вспыхнуть изъ-за спора о созданіи какого-то отдѣльнаго арнаутскаго государства.

Что же это за государство можетъ быть, гдѣ эти звѣри будутъ полными хозяевами? Это будетъ звѣринецъ, а не государство! Это будетъ гнѣздо пиратовъ, разбойниковъ! Нужно, очевидно, найти свободное пристанище этому звѣрскому племени, нужно, чтобы Балканы не успокоились, чтобы элементъ смуты былъ свободенъ, чтобы можно было, когда кому-нибудь понадобится, разжечь костеръ, который, казалось бы, отнынѣ долженъ навсегда потухнуть.

И господа дипломаты, которые этого хотятъ, говорятъ о цивилизаціи, о культурѣ, называютъ себя ихъ піонерами. Не насмѣшались ли это!

Можно ли упрекать сербовъ, что они не давали пощады арнаутамъ. Вѣдь картины звѣрства, слабо мною изображенныя, были почти каждодневнымъ занятіемъ, въ теченіе пяти вѣковъ, этихъ храбрыхъ арнаутовъ, которые свою храбрость показывали на безоружныхъ христіанахъ.

Вѣковая вражда, вѣковая ненависть однѣ могли служить причиною жестокой расправы сербовъ съ арнаутомъ, а тутъ еще эти ужасныя зрѣлища, эти изуродованныя тѣла, это надруганіе, которое нельзя и

описать. Все это кого угодно превратить въ звѣря. Прибавьте къ тому гнусное коварство арнаутовъ, сдающихся, а затѣмъ начинающихъ стрѣлять въ довѣрчиваго и великодушнаго противника.

Я долженъ констатировать весьма благодушное настроеніе сербскихъ солдатъ. Безъ такого благодушія могло быть гораздо хуже, но и это худшее могло бы быть оправдываемо.

Вотъ еще примѣръ въ доказательство звѣрской природы арнаутовъ, доказательство, что съ ними нельзя поступать, какъ съ обыкновенными людьми.

На носилкахъ сербскіе санитары несутъ двухъ раненыхъ: одного серба и одного арнаута. Оба они ранены тяжело. Сербъ не въ состояніи уже двигаться, арнаутъ раненъ не такъ тяжело. Санитары поставили носилки рядомъ, а сами пошли на зовъ недалеко лежащихъ въ полѣ раненыхъ. Возвращаются и видятъ ужасную картину: арнаутъ имѣющимъ у него ножомъ зарѣзалъ раненаго серба.

Другой еще болѣе возмутительный примѣръ:

Докторъ на перевязочномъ пунктѣ дѣ-

ласть перевязку раненому арнауту. Какъ только перевязка была окончена и докторъ отвернулся, чтобы приняться за перевязку другого раненаго, арнауть вынимаетъ большой револьверъ и стрѣляетъ въ спину доктора.

Говорятъ, сербскія войска жгли арнаутскія селенія.

Прежде всего я долженъ категорически опровергнуть это: войска ничего не поджигали, наоборотъ, старались воспрепятствовать поджогамъ, но ничего не могли сдѣлать.

Арнауты, отступая, поджигали селенія христіанъ, убивая и уродуя самихъ жителей, и вотъ, по уходѣ ихъ, сербскіе четники и оставшіеся въ живыхъ поселяне, мстя своимъ угнетателямъ, поджигали ихъ села.

Они говорили сербскимъ войскамъ: разстрѣливайте насъ, мы не можемъ удержаться, ужъ черезчуръ много мы претерпѣли отъ этихъ звѣрей. Пять вѣковъ терпѣли.

Мѣстное населеніе — братья сербскимъ войскамъ, ихъ муки и они чувствовали. Не будемъ же ихъ осуждать за допущенные ими случаи попустительства.

Причины пораженія и паника турокъ.

Въ Кумановскомъ бою была разбита турецкая македонская армія. Это было главное сраженіе на македонскомъ театрѣ войны между сербами и турками. Силы двухъ армій были одинаковы какъ по численности людей, такъ и по количеству орудій.

Съ одной стороны—храбрые, съ лучшей боевой репутаціей и хорошо оборудованныя турецкія войска. Съ другой—полумилиціонныя сербскія войска, о которыхъ говорилось, какъ о *quantité negligeeable*.

Турки сами выбрали мѣсто боя, значить они его оцѣнили, какъ наиболѣе выгодное для себя.

Какъ же случилось такое пораженіе? Такой погромъ? Съ оставленіемъ на мѣстѣ битвы 112 орудій (послѣдствіемъ Куманов-

скаго боя была потеря 156 орудій), громаднаго количества снарядовъ и боевого матеріала, множества артиллерійскихъ ящиковъ, четырехъ полевыхъ госпиталей, множества ружей, палатокъ и т. п., свидѣтельствующихъ о совершенномъ погромѣ болѣе чѣмъ стотысячной турецкой арміи?

Прекрасныя качества турецкой арміи извѣстны давно. Но теперь качества эти были парализованы отчасти отсутствіемъ моральной силы, расшатанностью дисциплины, вслѣдствіе имѣвшихъ мѣсто въ Турціи политическихъ пертурбацій, при содѣйствіи турецкаго фатализма, о которомъ я раньше говорилъ.

Все-таки, несмотря на это, 10-го октября турки вели прекрасно нападеніе, храбро, въ порядкѣ и обдуманно.

Стратегическій планъ македонской кампаніи былъ, по моему мнѣнію, хорошо скомбинированъ соотвѣтственно расположенію сербскихъ силъ. Такъ какъ сербы раздѣлили свои силы на четыре арміи, развернутыя на протяженіи почти 200 километровъ, то турки противъ двухъ сербскихъ армій (третьей и четвертой), двига-

ющихся черезъ Новобазарскіи санджакъ, направили сравнительно небольшія силы, понадѣявшись на сильную поддержку арнаутовъ, которыхъ было собрано болѣе сорока тысячъ. Съ этими силами турки рассчитывали задержать наступленіе двухъ сербскихъ армій, настолько, чтобы они не могли своимъ движеніемъ впередъ имѣть воздѣйствіе на тѣ турецкія силы, задачей которыхъ было разбить первую сербскую армію, какъ главную и самую сильную, представляющую собою половину почти всѣхъ сербскихъ силъ. Разбивъ первую сербскую армію, въ чемъ они болѣе, чѣмъ были увѣрены, турки предполагали обрушиться на вторую сербскую армію, идущую изъ Кюстендиля по направленію къ Овчему полю, и разбить и ее. Послѣ этого съ остальными двумя сербскими арміями, ослабленными уже напоромъ арнаутовъ и регулярныхъ турецкихъ войскъ, съ ними дѣйствующихъ, справиться было бы легко.

Планъ, какъ видите, совершенно соотвѣтствовалъ требованіямъ военной науки и составленъ былъ хорошимъ стратегомъ.

Но ошибка состояла въ томъ, что турками

не были въ достаточной мѣрѣ оцѣнены силы непріятеля и слишкомъ высоко оцѣнены свои. Ошибка, неоднократно повторявшаяся въ исторіи и каждый разъ приводившая къ печальнымъ результатамъ.

Въ сербскомъ главномъ штабѣ имѣлись извѣстія о рѣшеніи турокъ дать главное сраженіе на Овчемъ полѣ, сѣвернѣе Скопья. Я всегда выражалъ недоумѣніе по поводу такого рѣшенія. Если бы оно могло быть осуществлено, то не могло быть и рѣчи объ офенсивѣ со стороны турокъ; они сами осуждали себя на дефенсиву. При этомъ они давали сербамъ возможность напасть на нихъ въ то время, когда ихъ арміи, во всякомъ случаѣ первая и вторая, силою около 180 тысячъ человѣкъ, придутъ въ соприкосновеніе. Врядъ ли турки при такихъ условіяхъ, даже при невѣрной оцѣнкѣ сербской арміи, могли рассчитывать на легкую побѣду, тѣмъ болѣе, что къ сербамъ могла присоединиться и одна болгарская дивизія, направлявшаяся изъ Болгаріи въ Македонію. Изъ этихъ соображеній я дѣлалъ выводъ, что что-то не такъ. Когда же еще 7—8 октября я узналъ о концентраціи

турецкихъ войскъ на Овчемъ полѣ, то еще больше утвердился въ своихъ сомнѣніяхъ. Былъ ли это обманъ со стороны турокъ, или въ самомъ дѣлѣ они думали дожидаться сербовъ на Овчемъ полѣ, не знаю. Но, судя по выраженію Фети-паши въ донесеніи главнокомандующему македонской арміи, что проигрышемъ главнаго сраженія (выраженіе Фети-паши) у Куманова проваленъ планъ Карасаида-паши, командира Салоникскаго корпуса, можно предполагать, что до этого плана былъ какой-то другой планъ. Вѣроятно, этотъ планъ и былъ бой на Овчемъ полѣ. Правда во всѣхъ войнахъ въ прошломъ столѣтіи турки всегда предпочитали оборону и всегда теряли кампаніи.

Дѣйствительно, войска съ Овчаго поля, въ числѣ около 40 тысячъ человѣкъ, прибыли въ Куманово ночью, наканунѣ Кумановскаго боя, т. е. 8 или 9 октября. При этомъ, очевидно для обмана, на Овчемъ полѣ былъ оставленъ весь лагерь съ палатками, полевыми больницами и нѣсколькими баталіонами войскъ.

Я думаю, что Карасайдъ-паша выступилъ со своимъ планомъ, когда выяснилось, что

одна изъ непріятельскихъ арміи двигается къ Овчему полю съ сѣверо-востока. Турки полагали, что это болгарская армія или смѣшанная и, вѣроятно, большой численности. Поэтому было рѣшено поскорѣе покончить съ первой сербскою арміею. Но врядъ-ли планъ Карасандъ-пашы удался бы, если-бы турки даже съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали у Куманова, потому что вторая сербская армія 9—10-го октября находилась всего въ 40—45 километрахъ отъ Куманова, т. е. на разстояніи одного усиленнаго марша, и могла, въ случаѣ нужды, двинуться въ тылъ туркамъ. Турки же для охраненія своего тыла не имѣли ничего,— все, что они могли, стянули подъ Куманово. Сообразно этому, можно было думать, что планъ Карасаида-пашы опоздалъ. Въ сущности дѣло заключалось въ томъ, что другого, болѣе удобнаго положенія, т. е. позиціи, отъ сербской границы до Куманова, которую можно бы было использовать для боя съ большими сравнительно массами— нѣтъ. У Куманова это первая фронтальная позиція. Слѣдовательно не планъ Карасаида опоздалъ, а сербская первая армія

двигалась соответственно движенію второй своей арміи, а потому атаковать первую сербскую армію ранѣе 10-го октября турки не имѣли возможности, безъ риска потерпѣть неудачу (это звучитъ теперь ироніей).

Итакъ, какъ раньше я сказалъ, турки весьма низко оцѣнивали сербскія войска. Турецкіе офицеры, какъ мнѣ рассказывали, увѣряли своихъ солдатъ, что достаточно одного турка на пятерыхъ сербовъ. Это говорилось, несмотря на то, что многіе разумные турецкіе офицеры признавали хорошія качества сербской артиллеріи.

10-го октября турки ведутъ атаку; встрѣчаютъ сильный отпоръ пѣхоты. Они видятъ, что и пѣхота не такъ уже слаба, что и она стойко борется. Все-таки въ этотъ день турки дѣйствуютъ какъ будто успѣшно. Сербская артиллерія не можетъ развить своей дѣятельности—туманъ, дождь.

Но вотъ начинается проясняться. Сербская артиллерія начинаетъ себя показывать, убійственный огонь сыплется на турокъ. Пѣхота же сербская не только отбиваетъ нападенія, но и сама переходитъ въ наступленіе.

Что же это такое?

Гдѣ та увѣренность, что достаточно одного турка на пять сербовъ! Это неожиданное явленіе производитъ большое моральное дѣйствіе на турокъ. Уже не то настроеніе, не та увѣренность. Микробъ страха закрался,—онъ быстро дѣлаетъ свое дѣло.

Съ другой стороны—полный одушевленія народъ. Сознаніе необходимости побѣды и стремленіе къ ней всеми фибрами. И вотъ это воодушевленіе, это сознаніе, это желаніе сдѣлало сербскія войска тѣмъ, чѣмъ они стали, тѣмъ, что они теперь есть. Вѣдь какъ никакъ, а сербскія войска полумилиціонныя, съ сравнительно недостаточной подготовкой, за исключеніемъ артиллеріи. Съ недостаточнымъ числомъ офицеровъ, какъ бы они хороши ни были. Со своеобразно весьма демократической въ мирное время дисциплиной, не признаваемой крѣпкою въ другихъ образцовыхъ арміяхъ.

Все подъ чувствомъ сознанія и глубокаго воодушевленія преобразилось. Дисциплина образцовая. Селяне, начальники департаментовъ, судьи, адвокаты, инженеры, при-

слуга, рабочіе, всё одинаково, всё пунктуально исполняютъ приказанія старшихъ— безпрекословно и даже охотно, какъ бы тяжело ни было. Безропотно переносятъ всякія лишенія. Куда исчезла критика мирнаго времени. Какъ будто ея и не было.

Нѣтъ хлѣба: что дѣлать, значить не успѣли, значить не могли; не то, что:— почему нѣтъ хлѣба, безобразіе и т. д.

Нѣтъ,—крѣпятся, голодные идутъ впередъ, мѣшкать нельзя, нельзя врагу дать передохнуть. Нужно его преслѣдовать. Какъ самоотверженно всё приносили все, что у нихъ было, такъ самоотверженно люди терпѣли лишенія, невзгоды, непогоду. Богъ даровалъ имъ побѣду, но не былъ милостивъ въ отношеніи погоды. Она преслѣдовала союзныя войска: все время дождь, снѣгъ, слякоть, а дороги ужасныя, поля вязкія.

Въ Кумановскомъ бою у меня, имѣвшаго возможность выбирать куда ступить, образовался комъ грязи на ногахъ вѣсомъ не менѣе 4—5 фунтовъ, а каково же было солдатамъ, наступающимъ на высокія холмы по вязкимъ напшамъ.

Сербскія войска, въ противоположность турецкимъ, сознавали, что турки храбрые и стойкіе, и что борьба съ ними будетъ тяжелая.

Какъ выяснилось на слѣдующій день послѣ Кумановскаго боя, турки бѣжали въ паническомъ страхѣ, оставляя все за собою, лишь бы куда нибудь и какъ нибудь спастись. Изъ разсказовъ очевидцевъ слѣдуетъ прійти къ заключенію, что эта паника—нѣчто въ родѣ массоваго психическаго разстройства на почвѣ страха.

Но какимъ образомъ вселился этотъ страхъ?

Какъ произошло это массовое сумасшествіе?

Обратимся къ разсказамъ турецкихъ офицеровъ, вѣдь они лучше должны это знать. Одинъ пожилой полковникъ въ Скопѣ, плача, говорилъ мнѣ:

— Вы спрашиваете, какъ создалась паника. Какъ она создалась?

— Артиллерія сербская.

— Какъ артиллерія сербская?

— Да, она побѣдила и, вѣрьте мнѣ, такая артиллерія можетъ всякаго до пани-

ческаго бѣгства. Вы себѣ не можете представить, какой адскій огонь сыпали изъ своихъ жерлъ сербскія орудія, къ тому же посылающія свои страхъ наводящія на людей адскія пилюли (подлинное выраженіе турка), невидимо, какъ изъ пропасти. Эта невидимость имѣетъ свое весьма важное моральное значеніе. Эти адскія орудія обсыпали такимъ адскимъ огнемъ наши батареи, которыя мы ставили по дорого обошедшейся намъ нѣмецкой школѣ, на открытыя позиціи, что ничего другого не оставалось какъ бѣжать. Попадетъ въ нѣхоту этотъ огонь, дѣлаетъ опустошенія, быть можетъ и не столько физическія, сколько моральныя, хотя у насъ потеря отъ артиллерійскаго огня была не менѣе 30% всѣхъ потерь,—процентъ исключительно большой. Люди подъ вліяніемъ такого огня прямо съ ума сходили. Ужасный трескъ, свистъ, паденіе съ неба смертоносныхъ пуль, отъ которыхъ не скроешься, не убѣжишь.

— Вотъ главная причина пораженія, вотъ источникъ паники,—психическаго разстройства.

— Да, продолжалъ полковникъ, фіаско нѣмецкой системы артиллерійскаго огня на-лицо. Нынѣ побѣда за французской системой—за пушками Шнейдеръ-Крезо.

— Но развѣ пѣхота не играла никакой роли, или играла небольшую.

— Очень даже большую. Вѣдь все-таки одинъ артиллерійскій огонь не могъ дѣло докончить. Онъ подготавлилъ моральное пораженіе, а пѣхота физическое. Ей гораздо легче было выбивать съ позицій людей, уже нервно разстроенныхъ. Къ тому же пѣхота сербская оказалась великолѣпною, храброю, сообразительною, руководимою прекрасными офицерами.

— Мы знали,—закончилъ полковникъ,— что сербская артиллерія хороша, но мы не могли предполагать, что у сербовъ такая превосходная пѣхота. Одного рода оружіе стоитъ другого.

Качества сербскихъ войскъ.

Замѣчательное довѣріе создалось въ сербской арміи между артиллеріей и пѣхотой. Сербская пѣхота обожаетъ свою артиллерію. Она спокойна, когда за нею идутъ пушки, а артиллерія спокойна, когда видитъ предъ собою свою пѣхоту.

Не разъ приходилось видѣть, какъ пѣхота, проходя мимо орудій, прикладывалась къ нимъ, какъ къ иконамъ.

Проходитъ батальонъ пѣхоты, солдаты подходятъ и цѣлуютъ пушки, приговаривая: «вотъ надежда наша». Батарейный командиръ командуетъ: «шапки долой предъ нашей защитницей». Общій «живіо», солдаты пѣхотинцы обнимаются съ артиллеристами.

Въ арміи громадное значеніе имѣеть довѣріе одного рода оружія къ другому. Это довѣріе всякая армія должна насаждать и развивать. Это довѣріе есть залогъ побѣды.

Кромѣ этого прекраснаго качества я замѣтилъ въ сербской арміи еще два достоинства, которыя необходимо насаждать и развивать въ каждой арміи.

Первое—сознаніе, что офицеръ является тою силою, которая ведетъ къ побѣдѣ. Поэтому сербскіе солдаты страшно берегли своихъ офицеровъ и особенно начали беречь послѣ того, какъ выяснилась сравнительно большая потеря ихъ. Солдаты все время говорили офицерамъ: «не выставляйтесь, берегитесь, мы сами пойдемъ». Эта заботливость объ офицерѣ имѣеть и другое значеніе: она способствуетъ развитію у солдатъ инициативы, они стараются обоійтись безъ указанія офицера, чтобы не вызвать для него опасности, чтобы офицеръ служилъ для общаго руководительства. Вообще отношеніе между офицерами и солдатами въ сербской арміи очень сердечны. Въ сербской арміи, такъ же какъ и въ русской, офицеръ здороваётся съ солдатами; онъ здороваётся

словами: «помозь Богъ (помоги Богъ) а солдаты отвѣчаютъ «Богъ помоги». Очень мило—сердечно.

Затѣмъ у сербскаго солдата утвердилось сознание, совершенно вѣрное, что при отступленіи больше потерь, чѣмъ при наступленіи, что скорѣе рискуешь быть убитымъ отступая, чѣмъ наступая. И часто можно было слышать въ сербскихъ рядахъ: «впередъ, братцы, а то погибнемъ».

Весьма важно вселить въ солдатъ сознание, что при отступленіи они скорѣе рискуютъ быть убитыми, чѣмъ при наступленіи. У сербскаго солдата это сознание само собою привилось.

Я пришелъ къ выводу, что сербская артиллерія прекрасна, что она въ мирное время наилучшимъ образомъ подготовлялась.

Сербская артиллерійскіе офицеры въ бою примѣняли весьма цѣлесообразный пріемъ: по пунктамъ, гдѣ по ихъ предположеніямъ могъ появиться непріятель, они дѣлали пробные выстрѣлы, для опредѣленія разстоянія, для того чтобы при дѣйствительномъ появленіи въ этихъ мѣстахъ непріятели можно было безошибочно разстрѣливать его скорострѣльнымъ огнемъ.

Въ Кумановскомъ бою, благодаря такому способу, сербамъ удалось нанести очень сильный уронъ непріятелю, при чемъ, между прочимъ, разстрѣляны были три или четыре эскадрона турецкой кавалеріи, появившихся въ мѣстности, изслѣдованной артиллерійскимъ огнемъ, огонь былъ такъ мѣтокъ и стремителенъ, что ни одинъ всадникъ, по рассказамъ очевидцевъ, не успѣлъ спастись.

Я полюбознѣствовалъ узнать, сколько снарядовъ сербская артиллерія ежегодно употребляла въ мирное время. Оказалось, что сербская армія употребляла въ мирное время гораздо большій процентъ снарядовъ, чѣмъ другія арміи. И вы знаете, какой результатъ получился? Такой, что не только сербскій артиллерійскій огонь наводилъ панику и опустошеніе, но ни въ одной войнѣ такъ мало не было израсходовано снарядовъ. Сербія израсходовала до сихъ поръ менѣе 8% своего муніціоннаго запаса. Каждый артиллерійскій снарядъ выбрасывался съ расчетомъ. Пѣхота также не зря расходовала патроны. Изъ этого можно вывести формулу: чѣмъ больше расходъ снарядовъ въ мирное время, тѣмъ больше экономія въ нихъ во время боя.

Выводъ отсюда: не жалѣть патроновъ въ мирное время.

Одинъ артиллерійскій полковникъ французской арміи разсказывалъ мнѣ, что за два года до Балканско-Турецкой войны онъ присутствовалъ на стрѣльбѣ сербской артиллеріи и на маневрахъ, и что тогда еще онъ предсказывалъ, что сербская артиллерія можетъ оказаться самой лучшей въ Европѣ. «Предсказанія мои, добавилъ полковникъ, теперь вполнѣ оправдались».

Читатель навѣрно спросить: какія же преимущества имѣетъ французская артиллерія Шнейдеръ-Крезе, введенная въ Сербіи, Болгаріи и Греціи (а также и Россіи), передъ нѣмецкой—Круппа, которою была снабжена турецкая армія? Почему въ нѣмецкой арміи, считающейся лучшей въ Европѣ, артиллерія можетъ быть такой плохой системы?

Лучшая ли въ Европѣ нѣмецкая армія, берусь судить, но что турецкая артиллерія, снабженная нѣмецкими пушками, оказалась несравненно хуже артиллеріи сербской съ французскими пушками,—это фактъ неоспоримый.

Преимущество сербской артиллеріи передъ турецкой заключается прежде всего въ лучшей подготовкѣ артиллерійскаго персонала, а затѣмъ въ системѣ (не въ качествѣ) самихъ орудій.

Подготовка сербскихъ артиллерійскихъ офицеровъ, какъ теоретическая, такъ и практическая, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Прислуга орудійная образцово знаетъ свое дѣло, прекрасно обучена и обладаетъ большимъ навыкомъ, благодаря постояннымъ упражненіямъ въ стрѣльбѣ въ мирное время (о чемъ мной указывалось ранѣе).

Мнѣ приходилось наблюдать работу орудійной прислуги во время боя. Каждый знаетъ свое дѣло, работаетъ безъ суеты, автоматически, какъ отдѣльная часть одной и той же машины. Сербы очень любятъ артиллерійское дѣло, у нихъ какъ будто врожденная склонность къ этому.

Артиллерійскій персоналъ у турокъ и готовленъ очень слабо; практическая подготовка къ стрѣльбѣ въ мирное время ничтожная. При каждой турецкой пушкѣ имѣется книжка для записи произведенныхъ выстрѣловъ и результатовъ стрѣльбы

(нѣмецкія книжки съ завода). Въ просмотрѣнных мною книжкахъ записей оказалось очень немного. Въ большинствѣ случаевъ записаны лишь пробныя выстрѣлы, произведенныя на заводѣ при сдачѣ орудій. Небрежнымъ веденіемъ записей объяснить это нельзя, такъ какъ турецкій офицеръ мнѣ говорилъ, что всѣ выстрѣлы должны у нихъ записываться. Турки вообще отпускали очень мало средствъ на стрѣльбу, чѣмъ отчасти и можно объяснить такой плохой результатъ.

Что же касается системы орудійнаго боя, то этотъ вопросъ надо раздѣлить на двѣ части. Первая—система стрѣльбы, вторая—система орудій.

Турки ведутъ артиллерійскій бой съ открытыхъ позицій, руководствуясь нѣмецкой школой, утверждающей, что установка орудій за прикрытіемъ или маскировка ихъ и стрѣльба при такой установкѣ по невидимой цѣли имѣетъ ту невыгодную сторону, что бесполезно расходуются снаряды прежде всего до пристрѣла, а затѣмъ вслѣдствіе стрѣльбы по сравнительно большимъ площадямъ. При стрѣльбѣ же съ открытыхъ позицій пристрѣляться гораздо

легче, поэтому меньше снарядовъ тратится безъ пользы; кромѣ того, вслѣдствіе лучшей пристрѣлки для пораженія извѣстной части непріятеля, площадь обстрѣла можетъ быть уменьшена въ размѣрѣ, что также способствуетъ экономіи въ снарядахъ и даетъ возможность достигнуть лучшаго эффекта стрѣльбы.

Нѣмцы говорятъ, что батарея, стрѣляющая изъ-за прикрытія, можетъ быть уничтожена артиллеріей противника, стрѣляющей съ открытыхъ позицій по видимой цѣли раньше, чѣмъ первая успѣетъ пристрѣляться.

На дѣлѣ получились совершенно противоположные результаты.

Какъ ни плоха была подготовка турецкой артиллерійской прислуги и команднаго состава, все-таки преимущества системы, проповѣдуемой нѣмцами, должны же были въ чемъ нибудь да сказаться, хотя бы и въ меньшемъ противъ предположеннаго размѣрѣ. Вѣдь многіе турецкіе офицеры воспитывались въ германскихъ школахъ. Въ турецкой дѣйствующей арміи были нѣмецкіе инструкторы. Да, наконецъ, какъ потомъ выяснилось, въ самыхъ бояхъ принимали

участіе нѣмецкіе офицеры, въ томъ числѣ и артиллерійскіе. Однако, результаты получились, какъ видно изъ моихъ описаній, обратные. Артиллерія сербская, поставленная за прикрытіемъ, весьма скоро пристрѣливалась и въ какія-нибудь 2—3 минуты не только приводила въ молчаніе видимыя орудія противника, но и лишала его возможности спасти эти орудія, такъ какъ поражала всю или большую часть прислуги и лошадей.

Что касается системы орудій, то особенности указанныхъ двухъ системъ, Шнейдеръ-Крезо и Круппа, поскольку я могъ усвоить ихъ, какъ неспеціалистъ, на основаніи полученныхъ мною объясненій на мѣстѣ, сводятся къ слѣдующему:

Особенности современной артиллеріи, присущія обѣимъ системамъ, заключаются въ скорострѣльности: въ минуту одно орудіе можетъ выбросить 30 и даже болѣе снарядовъ. Каждое орудіе при выстрѣлѣ подвержено отдачѣ, т. е. орудіе сдвигается съ мѣста—подается назадъ. При орудіи старыхъ системъ передъ каждымъ выстрѣломъ приходилось орудіе наводить. Это обстоятельство не давало возможности про-

изводить выстрѣлы быстро, одинъ за другимъ. Чтобы избѣгнуть этого, стали добиваться изобрѣтенія такого прибора или приспособленія, которое уничтожало бы отдачу, и орудіе оставалось бы въ первоначальномъ положеніи. Лишь такое приспособленіе давало возможность послѣ точной наводки, не провѣряя наводку послѣ каждаго выстрѣла, производить ихъ быстро, одинъ за другимъ.

Путемъ долгихъ испытаній и опытовъ удалось добиться изобрѣтенія двухъ различныхъ приборовъ, достигающихъ этой цѣли. Одинъ изъ этихъ приборовъ, изобрѣтенія французскаго, примѣняется къ орудіямъ Шнейдеръ-Крезо. Другой нѣмецкаго, примѣненъ къ орудіямъ Круппа.

Нѣмецкія орудія Круппа имѣютъ накатникъ, который принимаетъ ударъ (отдачу или откатъ) на спеціальныя рессоры, пружины, сжимающіяся при ударѣ; разжимаясь затѣмъ, онѣ возвращаютъ орудіе въ положеніе, которое оно имѣло до выстрѣла.

Французскія же орудія Шнейдера имѣютъ накатникъ гидро-пневматическій.

Пружина или рессора металлическія, какой бы прочности онѣ ни были, при частыхъ

ударахъ все-таки теряетъ свою первоначальную упругость. Воздухъ же является идеальной пружиной, онъ не можетъ ни лопнуть, какъ металлическая пружина, ни ослабнуть. Поэтому, теоретически, гидропневматическій накатникъ Шнейдера слѣдовало признать наилучшимъ.

Теоретическое преимущество наилучшимъ образомъ подтвердилось на практикѣ боя. Сербская артиллерія выпускала по нѣсколько сотъ выстрѣловъ, и орудія оставались безъ малѣйшаго измѣненія даннаго имъ положенія, снаряды же ложились всѣ въ предѣлахъ той площади, куда были направляемы. Турецкая же артиллерійская стрѣльба была очень далека отъ этого идеала: одинъ два выстрѣла попадутъ въ данную площадь, а слѣдующіе ложатся или въ сторону, или же даютъ недолетъ или перелетъ. Это слѣдуетъ приписать исключительно несовершенству откатника.

Независимо отъ этого у орудій Круппа горизонтальное движеніе дула орудія охватываетъ меньшее поле зрѣнія, чѣмъ у французскаго орудія.

Въ общемъ, система французскаго орудія, дала несравненно лучшіе результаты.

Что касается до стрѣльбы по невидимой цѣли, т. е. изъ орудій, находящихся за прикрытіемъ, и излишняго якобы при такомъ способѣ стрѣльбы расходованія снарядовъ, то на дѣлѣ оказалось, что сербскіе артиллеристы всегда на третьемъ-четвертомъ выстрѣлѣ, а весьма часто и на второмъ попадали въ желаемую цѣль. Это зависитъ отъ опытности артиллерійскаго персонала и отъ хорошихъ приборовъ при орудіяхъ, чѣмъ отличается французская артиллерія.

Турецкія орудія, поставленныя на открытыхъ позиціяхъ, какъ только ихъ замѣчали, а ихъ замѣтить можно было, какъ только они открывали огонь, обстрѣливались сербской артиллеріей, положеніе же послѣдней, находившейся обыкновенно за гребнемъ холма, турки рѣдко и съ большимъ трудомъ угадывали.

Еще одинъ существенный фактъ. Я видѣлъ у турокъ нѣсколько орудійныхъ щитовъ, предназначенныхъ для защиты орудійной прислуги отъ пѣхотнаго огня, пробитыхъ ружейными пулями. Даже въ одномъ орудіи пуля пробила щитъ и убила наводчика. Ни у одного сербскаго орудія щитъ не оказался пробитымъ.

Обращаю особенное вниманіе на слѣдующій весьма важный фактъ, доказывающій, что главное дѣло заключается въ системѣ орудія и стрѣльбы.

Дѣло въ томъ, что въ сраженіи при Монастырѣ (Битолѣ) шрапнельный огонь двухъ батарей Карасаида-паши наносилъ страшный уронъ сербской Дрипской дивизіи, при этомъ большинство тяжелыхъ раненія. Батареи стрѣляли за прикрытіемъ. Цѣлый день сербскія батареи не могли найти мѣсто, гдѣ находились турецкія батареи. Лишь только на слѣдующій день удалось ихъ нащупать и заставить замолчать.

Послѣ боя нашли эти двѣ батареи. Около нихъ большинство прислуги и лошади лежали убитыми.

Батареи эти оказались завода Шнейдера французскія, отнятыя у грековъ, которые, оставляя ихъ, не сняли съ орудій затворы.

Слѣдовательно и турки умѣли стрѣлять. Значить дѣло заключалось не главнымъ образомъ въ неопытности прислуги и офицеровъ, а въ системѣ орудія и стрѣльбы.

Сдача Скопья и паника турокъ.

Бой при Кумановѣ деморализовалъ и разстроилъ турецкую Македонскую армію: она уже не была способна къ побѣдѣ. Въ дальнѣйшемъ вопросъ шелъ лишь о большихъ или меньшихъ усиліяхъ сербской арміи, но результатъ уже былъ извѣстенъ напередъ. Кумановскій бой далъ, какъ добычу, около 100 офицеровъ, солдатъ плѣнныхъ не много, около 2000, 156 скорострѣльныхъ орудій, изъ коихъ 18 двѣнадцати-сантиметровыхъ гаубицъ, тоже скорострѣльныхъ, 72 желѣзныхъ понтона, 4 полевыхъ лазарета, два лагеря съ тысячью большихъ турецкихъ палатокъ, около 60.000 скорострѣльныхъ ружей, много артиллерійскихъ снарядовъ, патроновъ, обмундированія, всевозможнаго сапернаго

инструмента, динамита, провіанта, фуража для скота и т. п.

Фети-паша 10-го октября сообщалъ, что сербская армія разбита, что сербы отступаютъ, бросивъ артиллерію, и что турецкія войска преслѣдуютъ ихъ по пятамъ. Къ этому извѣстію оставалось лишь точно обозначить день торжественнаго вступленія турецкихъ побѣдоносныхъ войскъ въ Бѣлградъ, куда бы явилась депутація австро-германской арміи съ вѣнками для возложенія ихъ на главы побѣдителей.

Нельзя допустить, чтобы Фети-паша такъ нагло вралъ, хотя сербская поговорка и говоритъ, что «никто такъ не вретъ, какъ турокъ». Вѣдь Куманово не за тридцать земель отъ Скопья, а по желѣзной дорогѣ въ разстояніи всего одного часа ѣзды. Кто-нибудь изъ скопльскихъ жителей находился же тамъ. Объяснить это можно лишь тѣмъ, что турки такъ были увѣрены въ своемъ успѣхѣ, что турецкій генералъ, сообщая эти свѣдѣнія, былъ убѣжденъ, что, что онъ сообщаетъ, вотъ-вотъ наступитъ.

Тотъ же Фети-паша, по объявленіи войны, какъ говорятъ, просилъ передать

своимъ знакомымъ въ Бѣлградѣ, гдѣ онъ долгое время занималъ постъ турецкаго посланника, что какъ это ему ни жаль, въ виду крайняго его расположенія къ сербамъ, но все-таки ему придется прійти въ Бѣлградъ со своими войсками.

На этотъ разъ онъ не ошибся: турецкія войска прибыли въ Бѣлградъ, но привѣтствовать ихъ изъ за Савы и Дуная не пришлось, потому что, увы, они пришли не какъ побѣдители, а какъ плѣнные.

Извѣстіе, посланное Фети-нашою, привело въ уныніе христіанскихъ жителей Скопья. Всѣ попрятались по своимъ домамъ, мало кто выходилъ на улицу, чтобы не видѣть побѣдоноснаго вида турокъ.

Но ликованія среди турокъ что-то не было замѣтно. Турки Скопья какъ будто не довѣряли извѣстіямъ своего паши и на вопросы отвѣчали довольно уклончиво.

12-го октября въ Скоплѣ стали циркулировать слухи, что подъ Кумановымъ съ турецкой арміей случилось что-то какъ будто неладное. Начали появляться и части войскъ, но, Боже, въ какомъ ужасномъ видѣ: безъ артиллеріи, безъ вооруженія,

растерзанныя, растерянные. Христіане догадались тогда, въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что большая часть войскъ, не останавливаясь и не подчиняясь приказаніямъ офицеровъ, шла дальше, направляясь безъ оружія къ своимъ деревнямъ, такъ какъ большинство солдатъ были мѣстнаго набора и отказывались отъ дальнѣйшей борьбы.

Надъ этимъ явленіемъ слѣдуетъ серьезно призадуматься многимъ.

При разстройствѣ войскъ и въ другихъ арміяхъ, если они дѣйствуютъ сравнительно недалеко отъ мѣста своего жительства весьма легко можетъ случиться то же, что и съ турецкими войсками мѣстнаго набора.

Какъ быть со Скоплемъ, центромъ сѣверной Македоніи и Старой Сербіи?

Сдать его безъ боя или защищать?

Вотъ вопросы, разрѣшить кои надлежало туркамъ.

Фети-паша телеграфировалъ командующему македонской арміей въ Салоники, что отъ всей арміи пришло и задержалось въ Скоплѣ всего около 40 тысячъ войскъ, что онъ старается сформировать изъ нихъ роты и думаетъ защищать Скопю до послѣдней капли крови.

Главнокомандующій отвѣтилъ, что его какъ громъ поразило извѣстіе о потерѣ главнаго сраженія, но что въ войнахъ это случается, и потому онъ рекомендуетъ бодриться, не падать духомъ и защищать Скопля, что онъ постарается послать нѣкоторое количество свѣжихъ войскъ. Рекомендовалъ послать мулль для провозглашенія священной войны.

Увы, ни провозглашеніе священной войны, ни рекомендуемая бодрость, ни старанія о формированіи новыхъ ротъ изъ прибѣжавшихъ разстроенныхъ частей не спасли «лицатурокъ». Пришлось предоставить городъ непріятелю безъ боя, несмотря на исключительное для обороны положеніе.

Нотабли города собрались 12 октября, когда все стало ясно. Они не видѣли спасенія.

Городъ наполнился бѣженцами, прибывшими съ семьями и со скарбомъ со вѣхъ концовъ, гдѣ наступалъ непріятель. Такихъ бѣженцевъ въ Скоплѣ собралось около 150 тысячъ.

Непремѣнное желаніе Фети-паши дать во что бы то ни стало сраженіе у города не

могло ни къ чему иному привести, какъ къ новому позору. Между тѣмъ бомбардировка города могла вызвать массу жертвъ и принести тяжелыя послѣдствія. Въ виду этого потабли города уговаривали Фети-пашу отказаться отъ своего плана и отступить дальнѣе. Фети-паша, однако, не соглашался. Тогда представители города обратились къ Портѣ по телеграфу, прося приказать пашѣ отступить, такъ какъ сопротивленіе безцѣльно.

Отвѣта не дождались.

На слѣдующій день Фети-паша, никому ничего не говоря, покинулъ городъ, такъ какъ организовать что либо для сопротивленія наступающимъ сербскимъ войскамъ ему не удалось.

Представители города обратились къ русскому генеральному консулу Калмыкову, прося его заступиться за городъ,—отправиться въ квартиру сербской арміи и предложить сербамъ взять городъ Скопле.

Тотчасъ по объявленіи мобилизаціи турецкія власти привели въ Скопле и посадили въ тюрьму всѣхъ сколько нибудь вліятельныхъ христіанъ изъ окрестностей,

мотивируя это тѣмъ, что они симпатизируютъ яко бы балканскимъ союзнымъ государствамъ.

Руководствуясь только этимъ, можно было бы смѣло посадить всѣхъ христіанъ Турецкой Имперіи.

По мѣрѣ скопленія въ городѣ бѣгущихъ турецкихъ солдатъ и арнаутовъ явилась опасность, что они начнутъ убивать заключенныхъ въ тюрьмѣ христіанъ. Русскій консуль потребовалъ отъ вали (генераль-губернатора) освобожденія христіанъ изъ тюрьмы. Но грозила опасность, что при выпускѣ ихъ толпа, которая наполняла площадь передъ тюрьмой, бросится на нихъ. Тогда нашъ консуль, рискуя своею жизнью, лично явился въ тюрьму и распорядился, чтобы при немъ начали выпускать христіанъ малыми, незамѣтными партіями, которыя тотчасъ же направлялись кто въ русское консульство, кто во французское, кто въ англійское. Итакъ, до выпуска послѣдней партіи христіанъ и до устройства ихъ въ безопасномъ мѣстѣ нашъ консуль Калмыковъ не покидалъ тюремный замокъ.

Вообще нашъ генеральный консуль Кал-

мыковъ въ короткое время своего пребыванія въ Скопль пріобрѣлъ большую симпатію мѣстнаго христіанскаго населенія постояннымъ заступничествомъ за него во всѣхъ случаяхъ, когда это требовалось.

Особенно много приходилось страдать сербамъ. Турки задались мыслью истребить ихъ. Новый режимъ младотурокъ не измѣнилъ этого намѣренія; наоборотъ, еще энергичнѣе развилось дѣло истребленія, такъ какъ младотурки считали сербовъ самымъ опаснымъ элементомъ. Не безъ посторонняго вліянія турки стали на этотъ путь. Сербъ опасный элементъ для турокъ, но кое-кто другой считалъ ихъ для себя еще болѣе опасными.

Нашъ консулъ въ Скопль такъ же, какъ и другіе консулы, говорилъ мнѣ: промедли Сербія еще лѣтъ 5—6, ни одного серба въ этомъ краѣ не осталось бы. Надъ этимъ много работали и турки и арнауты. А теперь эти «кое-кто» возмущаются, что сербы вполне основательно разстрѣливали арнаутовъ, сдающихся и затѣмъ нападающихъ.

12 октябрю вали Скоплянскаго вилайета (генераль-губернаторъ) явился къ русскому

консулу за совѣтомъ, что ему дѣлать: сдаться ли сербамъ, или бѣжать.

Консуль ему посовѣтовалъ поѣхать въ одинъ изъ городовъ его вилайета, незанятыхъ еще сербами.

— Но у меня не на чемъ поѣхать, войска у меня все отобрани.

— Въ такомъ случаѣ,—говорить ему консуль,—я вамъ дамъ свой экипажъ и своего кучера, поѣзжайте до ближайшаго городка Калканъ-Деле.

Сѣлъ вали въ консульскій экипажъ со своимъ секретаремъ. При проѣздѣ моста черезъ р. Вардаръ, который находился всего въ 200—300 саженьяхъ отъ консульства, экипажъ подвергся обстрѣлу со стороны турка или арнаута. Былъ убитъ секретарь вали и раненъ кучеръ русскаго консула.

Бѣдному вали пришлось вернуться въ русское консульство.

Но что произошло на улицахъ Скопья отъ сдѣланныхъ двухъ выстрѣловъ въ Скопльи-скаго вали?

Мнѣ рассказывалъ очевидецъ, что эти два выстрѣла были какъ бы сигналомъ. Всѣ

улицы наполнились народомъ, зашумѣли, образовался одинъ какъ бы общій зловѣщій гулъ стотысячной толпы. Кричали, бѣжали, не зная кто куда и зачѣмъ бѣжить.

Въ русское и другія консульства вбѣгали турецкіе офицеры, падали въ обморокъ, плакали.

— Сербы! сербы! — слышно было изъ всѣхъ усть.

Въ это время шестнадцать гаубицъ по улицамъ города передвигались къ желѣзно-дорожной станціи, нужно было погрузить ихъ въ вагоны и отправить дальше по направленію къ Салоникамъ, хотя точно никто не зналъ, куда они должны быть направлены. Какъ только послышались выстрѣлы, произведенные въ валы, и начались крики: «сербы! сербы!»—сейчасъ же прислуга начала рѣзать построшки и въ паническомъ страхѣ безъ орудій усекала къ станціи. Доскакавъ до станціи, двое артиллеристовъ на лошадяхъ съ висющими построшками вскочили прямо въ двери станціи, загородили входъ—ни назадъ, ни впередъ. Гамъ, шумъ, крикъ, смятеніе неопишемое, какое-то сумасшествіе:

Все скоро разъяснилось, но найти артиллерійскую прислугу съ упряжью не оказалось уже возможнымъ, да врядъ-ли кто очень и заботился объ этомъ.

Такъ 16 гаубицъ и остались на улицѣ, пока ихъ сербы не убрали.

Что было дѣлать съ вали? Онъ боялся покинуть консульство. Нашъ консулъ рѣшился тогда со своими кавасами (консульская стража) вечеромъ отвести его на желѣзнодорожную станцію къ послѣднему поѣзду, увозившему турокъ.

— Приходимъ на вокзалъ,—разсказываетъ консулъ,—собралось много офицеровъ, солдатъ, ожидаютъ отхода поѣзда.

Грузятъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ разгрома горныхъ орудій.

Шумъ, офицеры стучатъ саблями.

Вдругъ изъ маневрирующаго поѣзда кто-то крикнулъ по-сербски: «стой».

Надо было видѣть, что случилось съ только что шумѣвшими и бряцавшими своими саблями офицерами и солдатами.

Сразу все затихло.

Если бы муха пролетѣла, можно было-бы слышать.

Проносился лишь тихій шопоть: «сербь, сербь».

Это продолжалось минуты двѣ.

Выяснилось, что «стой» крикнулъ кондукторъ сербь.

Опять шумъ, опять стучать саблями. Наконецъ поѣздъ отходить и увозить вали.

Тринадцатаго октября консулы: русскій, французскій, англійскій и австрійскій съ представителями города явились къ командиру первой сербской арміи королевичу Александру и предложили ему скорѣе занять Скопле и ввести порядокъ изъ-за опасенія анархіи.

Королевичъ Александръ во главѣ 16-го имени Государя Императора Николая II полка, осыпaeмый цвѣтами, при восторженныхъ кликахъ христіанскаго населенія вошелъ въ тотъ же день въ городъ. А черезъ нѣсколько дней послѣ того былъ торжественный входъ короля Петра въ древнюю столицу Сербскаго Царства, гдѣ

сербскій царь Душанъ Сильный въ 1349 году обнародовалъ свой знаменитый «законникъ».

При встрѣчѣ короля Петра бывший городской голова города Скопля—турокъ, привѣтствуя короля, сказалъ:

«Пять вѣковъ тому назадъ отоманы взяли этотъ край мечомъ. Нынѣ военное счастье измѣнило оттоманскому оружію. То, что мечомъ взяли, мечу и отдаемъ. Отъ кого взяли тому и отдаемъ».

Итакъ, послѣ 532 лѣтъ турецкаго рабства, Скопле вновь возвратился къ Сербіи.

Судьба была милостива дому Карагеоргиевича. Она, въ лицѣ короля Петра, вознаградила этотъ домъ за тѣ физическія и моральныя страданія, которыя выпали на долю короля Петра и его предковъ. Вознаградила за героическую борьбу его родоначальника, великаго серба и воина Карагеоргія, создателя новаго сербскаго царства.

Есть въ мірѣ что-то высшее, что рано или поздно воздаетъ каждому должное.

Карагеоргиевичей судьба вознаградила за ихъ заслуги тѣмъ, что дала имъ возможность выполнить то, о чемъ пять вѣковъ

сербскій народъ мечталъ, получить обратно то, что старый гусярь пять столѣтій подрядъ оплакивалъ, взывая къ Богу о возвращеніи его родины.

Дай Богъ сербамъ въ будущемъ побольше Кумановскихъ боевъ, но избави Богъ ихъ отъ Коссовскихъ битвъ.

Бой у Прилѣпа.

Долго было-бы слѣдить за всѣми эпизодами и сраженіями. Я ограничусь поэтому еще краткимъ описаніемъ боя при Прилѣпѣ, такъ какъ этотъ бой совершенно не схожъ съ Кумановскимъ,—онъ другого рода.

Послѣ взятія Скопья, первая сербская армія продолжала свой путь преслѣдованія разбитой турецкой македонской арміи, отступающей по долину р. Вардара. Въ Велесѣ, несмотря на прекрасныя позиціи, турки не задержались и продолжали отступление, но не по долину Вардара, а повернувъ на юго-западъ, по направленію къ Прилѣпу. Такое измѣненіе направленія уже давало понять, что командующій Македонской арміей предприметъ что нибудь въ Монастырѣ, гдѣ имѣлась нѣкоторая

часть свѣжихъ войскъ, неиспытанныхъ еще пораженья и бѣгства. Путь къ Монастырю (Битоли) ведетъ черезъ г. Прилѣпъ.

Сербскія войска первой арміи королевича Александра направились къ Прилѣпу двумя путями, а именно: по дорогѣ, проложенной прямо изъ Велеса до Прилѣпа, и по дорогѣ, идущей черезъ Криволакъ; первая дорога короче второй. Изъ Прилѣпа въ Монастырь имѣется одна лишь дорога, долиною р. Церна.

20-го октября первая колонна, идущая по первой дорогѣ, приблизилась къ перевалу Бабине-Планине, находящемуся сѣверо-восточнѣе Прилѣпа, т. е. не доходя Прилѣпа на 12—14 километровъ. Высота этого перевала около 1.200 метровъ, а высота долины рѣки Десна съ сѣверо-востока отъ перевала и всего въ 5-ти километрахъ отъ него, имѣетъ около 600 метровъ; какъ видно, подъемъ очень тяжелъ. Точно также долина рѣки, которая протекаетъ черезъ Прилѣпъ и беретъ начало у этого перевала, имѣетъ высоту около 600 метровъ.

Къ перевалу ведетъ ущелье, по которому зигзагами проложена дорога, весьма плохо содержащаяся.

По сторонамъ перевала возвышаются вершины горъ въ видѣ сопокъ. Нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ до 1.560 метровъ высоты. Положеніе весьма похожее на Шипкинскій переваль.

Какъ переваль, такъ и всѣ боковыя сопки были заняты турками. Донесенія говорили, что турокъ здѣсь около 20 тысячъ съ нѣсколькими горными орудіями.

Сербамъ нечего было и думать пользоваться здѣсь полевой артиллеріей; горныхъ же орудій у нихъ было мало, да и тѣхъ негдѣ было поставить, такъ какъ со свободныхъ высотъ не было доступа до высотъ, занятыхъ турками. Сербамъ удалось вывезти лишь два горныхъ орудія, при чемъ они не могли принести существенной пользы.

Нельзя было использовать и численное превосходство сербскихъ силъ, почти вдвое превосходящихъ турецкія, такъ какъ не было возможности ихъ развернуть. Такова была мѣстность.

Приходилось дѣйствовать одной пѣхотой, употребляя для атаки высотъ, занимаемыхъ турками, небольшіе сравнительно отряды, въ 2—3 роты, не болѣе.

Три дня подрядъ сербы брали перевалъ и высоты.

Три дня упорной, героической атаки. Атака слѣдовала за атакой.

Подойдетъ колонна на 400—500 шаговъ къ позиціи непріятеля, не выдержать сильнаго огня,—отступаетъ. Соберется съ силами, опять впередъ, пока, наконецъ, послѣ такихъ, иногда до пяти разъ повторенныхъ атакъ, не выгонитъ турокъ прямо-таки изъ неприступныхъ позицій.

Но что это были за атаки! Высоты крутыя, мѣстами почти отвѣсныя. Покрытыя снѣгомъ. Чтобы взобраться на нихъ, солдаты должны были подпираться ружьями, такъ какъ удерживаться на крутыхъ склонахъ не было возможности.

Пройдетъ солдатъ, подпираясь ружьемъ, три-четыре шага, пострѣляетъ немного и опять впередъ, еще три-четыре шага, и такъ до самой ночи. Такъ тамъ и переночуетъ, чтобы утромъ снова возобновить такую же, неподдающуюся описанію, работу.

Три дня и три ночи такой непрерывной атаки...

На третій день вечеромъ всѣ турецкія

позиціи занимала уже сербская пѣхота, покрывшая себя неувядаемой боевой славой, ибо, дѣйствительно, это было что-то такое сверхчеловѣческое, непостижимое.

Если бы здѣсь былъ тотъ самый турецкій полковникъ, съ которымъ я бесѣдовалъ въ Скоплѣ, то онъ неминуемо сказалъ бы: «сербская артиллерія превосходна, но сербская пѣхота превзошла ее». И ничего нельзя было къ этому прибавить, ничѣмъ нельзя усилить дѣйствительнаго впечатлѣнія.

Отъ Прилѣпа турки отступили на Монастырь, гдѣ уже шла работа по укрѣпленію.

Турки остановились на перевалѣ Бабине-Планине, главнымъ образомъ, для того, чтобы задержать на нѣсколько дней сербовъ и лучше укрѣпиться въ Монастырѣ, гдѣ они если и не могли спасти положеніе, то надѣялись, какъ говорится, «сохранить лицо».

Прилѣпъ стоилъ порядочныхъ жертвъ сербамъ, но онъ по неприступности позицій, которыя занимали турки, могъ бы имъ стоить много большихъ жертвъ и времени.

Тѣнь легендарнаго сербскаго героя «Кра-

левица Марка» могла быть довольна. Прилѣпъ—родина кралеви́ча Марка.

Сербская легенда говорить, что кралеви́чъ Марко заснулъ и проснется только тогда, когда придетъ время освобожденія сербовъ.

Вѣроятно, во время Прилѣпскаго боя на одно мгновеніе онъ проснулся: посмотрѣлъ на храбро борющихся своихъ сербовъ, улыбнулся радостною улыбкою, но опять заснулъ, сказавъ: «это еще не то, моя работа, мое дѣло—вперед!».

Монастырь такъ же палъ, какъ и другіе города.

У Монастыря туркамъ удалось собрать около 70—80 тысячъ войскъ и около 100 орудій; сила довольно внушительная. Но эта сила не могла противустоять сербамъ, которые, въ сущности, наступали на Монастырь съ силою по численности не больше, чѣмъ у турокъ, но съ преимуществомъ дѣйствій артиллеріи, которая и здѣсь, какъ у Куманова, сыграла главную роль. Потери сербовъ подъ Монастыремъ должны были быть близки къ потерямъ подъ Кумановымъ, т. е. около 7—8 тысячъ убиты и ранеными.

Въ среднемъ сербская армія наслѣдника-королевича Александра сдѣлала около 22 километровъ въ день, считая въ томъ числѣ и бои. Это, можно сказать, неслыханно быстрое движеніе. Одно это обстоятельство ставитъ сербскую армію на высокую ступень.

Командующій арміей, королевичъ Александръ, всегда находился на полѣ битвы, въ сферѣ пораженія. Жизнь его и его штаба во всѣхъ отношеніяхъ не отличалась отъ жизни всей арміи. Всѣ лишения и онъ переносилъ, какъ и его армія, мужественно. Онъ сталъ вполнѣ заслуженно одной изъ популярнѣйшихъ личностей въ Сербіи.

Нѣсколько словъ о санитарной части.

Санитарная часть въ сербской дѣйствующей арміи поставлена сравнительно хорошо. Для подачи первой медицинской помощи медицинскій персоналъ и хорошъ, и въ достаточномъ числѣ. Перевязочныхъ средствъ имѣется также достаточное количество и хорошаго качества.

Полевые лазареты состоятъ изъ палатокъ съ двойнымъ полотнищемъ, при чемъ одно шелковое. Палатки издѣлія нѣмецкаго. Въ каждомъ полевомъ лазаретѣ хорошіе хирургическіе приборы, стерилизаторъ. Часто въ полевыхъ госпиталяхъ производятъ и ампутаціи. Имѣются опытные хирурги. Вообще, впереди, ближе къ бою, медицинская часть поставлена хорошо.

Эвакуація раненыхъ до желѣзной дороги тяжелая. Дороги ужасно тряскія. Какъ бы хороши ни были рессоры, въ повозкахъ раненыхъ трясеть ужасно; повозокъ съ рессорами и койками не хватало. Я думаю, что отъ этой тряски умеръ не одинъ раненый. Но помочь какъ-либо этому дѣлу не было возможности. За то по желѣзной дорогѣ эвакуація раненыхъ производилась прямо-таки превосходно. Приспособлены поѣзда съ койками, съ больницею, кухнею и всѣмъ нужнымъ.

Сестеръ милосердія въ арміи сербской не было; да и хорошо, что ихъ тамъ не было, ибо они не смогли-бы выдержать тѣхъ лишеній, которыя приходилось переносить арміи. Они сами-бы изнемогли, не принеся надлежащей пользы больнымъ, и были бы только обузой для арміи.

Сестры милосердія были только въ госпиталяхъ, и тамъ онѣ принесли громадную пользу и облегченіе больнымъ и раненымъ, на которыя способны только женщины со своею терпѣливой лаской.

Насколько было достаточно пресонала впереди—въ арміи, настолько его недо-

ставало въ госпиталяхъ. И вотъ тутъ частная помощь и помощь иностранныхъ обществъ Краснаго Креста была какъ нельзя болѣе кстати. Главную помощь въ этомъ отношеніи оказала Россія. Это вполне понятно. Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить самое сердечное отношеніе чешскихъ докторовъ и чешскаго общества, такъ же, какъ и другихъ славянскихъ народовъ Австріи, на помощь и гуманное отношеніе которыхъ къ Сербіи австрійскія власти смотрѣли не только враждебно, но и дѣлали въ этомъ отношеніи всякія препятствія, какъ равно и проявленію симпатіи и сочувствія къ славянскимъ событіямъ и пострадавшимъ на войнѣ.

Кромѣ славянскихъ профессоровъ и врачей, прибыли также и врачи итальянцы, французы, швейцарцы, англичане. Даже австрійскій Красный Крестъ, правда, послѣ долгихъ переговоровъ довольно страннаго характера (какъ, на примѣръ, пожеланіе, чтобы сербы сами обратились съ просьбою о присылкѣ отряда) прислалъ въ Бѣлградъ свой отрядъ.

Съ грустью я долженъ повѣдать, что и въ Сербіи (такъ же, кажется, какъ въ Болга-

ріи и Черногоріи) въ армію не явился добровольно ни одинъ врачъ полякъ, ни одна милосердная сестра-полька и отъ поляковъ австрійскихъ не было прислано, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, ни одного динара въ пользу раненыхъ. Видно, австрійскіе поляки стали болѣе австрійцами, чѣмъ кровные австрійцы.

И подумать, что и болгары и сербы всегда стояли горою за поляковъ, изъ-за поляковъ готовы были даже поссориться съ русскими.

Да, въ нуждѣ узнается истинный другъ. Австрійскіе поляки, какъ видно изъ-за желанія угодить Австріи, отказываются отъ своей славянской семьи. Забывая, что Австрія всегда руководилась принципомъ ублажать тѣхъ, кто ей нуженъ, а какъ только перестанетъ нуждаться—за бортъ. Поляки непременно услышать: «негръ сдѣлалъ свое дѣло, негръ можетъ уйти». Но тогда они семьи своей уже не найдутъ. Очень грустное и обидное явленіе.

Я слышалъ,—не знаю, вѣрно-ли это, хотѣлось бы, чтобы это была неправда,—что нѣсколько врачей поляковъ предложили свои услуги турецкой арміи.

Во всякомъ дѣлѣ есть свои отрадныя стороны, но есть и печальныя.

Представители польскаго народа изъ польскихъ областей принадлежащихъ Россіи, а именно члены Государственной Думы, не пожелали быть солидарными со своими соотечественниками въ Австріи. Они между собою собрали три тысячи рублей и послали ихъ въ пользу Славянъ съ выраженіемъ лучшихъ пожеланій славянамъ Балканскаго полуострова, дѣлами которыхъ они восхищаются и какъ члены славянской семьи и какъ чувствующие блага свободы, гордятся ихъ побѣдами и успѣхами за освобожденіе ихъ братьевъ.

Прежде другихъ я посѣтилъ русскій лазаретъ въ Скоплѣ (Кіевскій отрядъ). Онъ очень хорошо оборудованъ, прекрасныя кровати, операционная, кухня, и все это привезено съ собою. Доктора, ихъ три, дѣльные, работающіе; сестры милосердія (шесть) прекрасно знаютъ свое дѣло, относятся къ раненымъ очень душевно. Столъ для раненыхъ прекрасный. Приходится, понятно, примѣняться къ вкусамъ раненыхъ. Въ русскомъ лазаретѣ исключительно тяжело-раненые.

Другой русскій отрядъ, кажется московскій, при моемъ отъѣздѣ изъ дѣйствующей арміи только что прибылъ въ Скопле. О немъ ничего не могу сказать, но, повидимому, онъ не хуже Кіевскаго.

Большая часть раненыхъ, 60—70%, съ легкими пораненіями. Изъ нихъ большинство уже оправилось. Удивительныя встрѣчались пораненія. Одному сербскому солдату подъ Кумановымъ ружейной пулей насквозь пробило сердце. И ничего. Когда я уѣзжалъ изъ Бѣлграда, онъ уже былъ здоровъ.

Во Враньѣ отрядъ великой княгини Елены Петровны; лазаретъ на 60 кроватей, обставленъ также наилучшимъ образомъ.

Въ Бѣлградѣ я посѣтилъ всѣ госпитали. Прежде всего русскіе. Я засталъ здѣсь великую княгиню Елену Петровну, въ одѣяніи сестры милосердія, и ея фрейлину г-жу Щербачову.

Великой княгинѣ очень идетъ костюмъ сестры милосердія. Она весь день, буквально съ утра до вечера, работаетъ, какъ всякая другая сестра. Ея фрейлина г-жа Щербачова работаетъ такъ же. Дѣла у нихъ

много. Великая княгиня главнымъ образомъ занимается въ русскомъ госпиталѣ, помѣщающемся въ прекрасномъ зданіи Бѣлградской гимназіи, но каждый день она обходитъ какой нибудь и изъ другихъ госпиталей. Она помогаетъ при перевязкѣ, при операціяхъ, подбадриваетъ раненыхъ, успокаиваетъ ихъ. Она пользуется всеобщей любовью. И она этого вполне заслужила. Турки и арнауты, раненые, къ которымъ она совершенно одинаково относится, какъ и къ сербамъ, поражены ея ласковостью и заботливостью. Они никакъ не могутъ понять, какъ это дочь короля такъ о нихъ заботится. «Да благословить ее Аллахъ. Тамъ, гдѣ царствуютъ короли съ такими дочерьми, тамъ народу должно быть хорошо живется», говорятъ раненые турки.

Раненые, какъ сербы, такъ и турки, не могутъ нахвалиться русскими врачами и сестрами милосердія. Кромѣ сестеръ милосердія, пріѣхавшихъ изъ Россіи, кромѣ великой княгини Елены Петровны и ея фрейлины г-жи Щербачовой, въ русскомъ госпиталѣ находятся супруга нашего посла, госпожа Гартвигъ, и его дочь которая всей

душою предались дѣлу помощи раненымъ, братьямъ сербамъ, и которые принесли и приносятъ большую пользу на этомъ поприщѣ, какъ и на поприщѣ общей благотворительности. Г-жа Гартвигъ устроила дневной пріютъ для дѣтей. Она пользуется въ Бѣлградѣ большою симпатіею. Г-жа Гартвигъ, рожденная Карцова, — племянница заслуженной сестры милосердія Е. П. Карцовой, бывшей начальн. Георгіевской общины. Затѣмъ въ русскомъ госпиталѣ работаютъ г-жа Паунковичъ, супруга директора отдѣленія страх. общ. Россія г-жа Глушчевичъ съ дочерью (русская) и нѣкоторыя другія русскія дамы, проявляющія также много труда и заботливости ко всѣмъ раненымъ. Всѣ эти дамы каждый день работаютъ въ госпиталѣ. У каждой своя палатка. Ночью же онѣ по очереди дежурятъ.

Въ русской больницѣ образцовый порядокъ, чисто, гигиенично; вообще, какъ по устройству, такъ и по качеству привезеннаго матеріала мы не ударили лицомъ въ грязь. Въ русской больницѣ преимущественно тяжело раненые. Доктора прекрасные, ласковые, работающіе. — Все и вся хорошо.

Затѣмъ обращаетъ вниманіемъ своимъ прекраснымъ устройствомъ городская бѣлградская больница. Прежде всего, ею завѣдываетъ одинъ изъ выдающихся и извѣстныхъ далеко за предѣлами Сербіи хирургъ, д-ръ Субботичъ (братъ нашего генерала Субботича). По устройству больница эта не чета нашимъ городскимъ больницамъ. Просторъ, масса воздуха, свѣта, чистота идеальная, масса всевозможныхъ усовершенствованныхъ приборовъ и приспособленій. Вообще, это образцовая во всѣхъ отношеніяхъ городская больница. Большая ея часть занята теперь ранеными. Дамы бѣлградскаго общества ходятъ за ранеными. Здѣсь также и одна русская барышня—дочь инженера князя Андронникова.

Военный госпиталь въ Бѣлградѣ можно причислить къ лучшимъ въ Европѣ учрежденіямъ этого рода. Въ этомъ госпиталѣ работаютъ теперь чешскіе врачи-добровольцы. Во главѣ ихъ стоитъ извѣстный чешскій хирургъ, имѣющій свою поликлинику въ Прагѣ, профессоръ Рудольфъ Едличка. Этотъ большой славянскій патріотъ бросилъ въ Прагѣ свою громадную практику съ

громаднымъ заработкомъ и пріѣхалъ помогать страждущимъ братьямъ-сербамъ со всѣмъ своимъ персоналомъ исключительно за свой личный счетъ. Съ нимъ пріѣхали доктора: І. Новакъ, Б. Байчекъ, А. Захаръ, Ц. Альбертъ, Крлинъ, Херингъ и женщина-врачъ Балкарова—это все его ассистенты. Кромѣ этихъ врачей къ нему присоединились доктора К. Саутричекъ и К. Бахъ.

Замѣчательно сердечнымъ отношеніемъ къ раненымъ, знаніемъ дѣла, авторитетностью и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ профессоръ Едличка и его помощникъ приобрѣли исключительное къ себѣ отношеніе всего сербскаго народа какъ въ Сербіи, такъ и внѣ ея предѣловъ, а также признательность и глубокую любовь раненыхъ. Не одного онъ спасъ отъ неминуемой смерти, не одному онъ сохранилъ руку, ногу. Онъ прибѣгаетъ къ ампутаціямъ въ крайнихъ лишь случаяхъ, когда нѣтъ другого выхода. Его операціи замѣчательны. Его приглашаютъ и въ другія больницы. Спасибо ему и его неутомимымъ помощникамъ, спасибо этимъ истиннымъ славянскимъ патріотамъ.

И въ этой больницѣ за больными ухаживаютъ бѣлградскія дамы. Между ними тоже есть одна русская дама-москвичка, г-жа Попова, жена инженера В. Попова (Владимировъ). Вообще, все дамское общество съ утра до вечера занимается уходомъ за ранеными, внося посильную помощь общему святому и великому дѣлу.

Чешскіе врачи занимаются также въ частной лечебницѣ, превращенной въ военный госпиталь. И здѣсь работаетъ одна русская дама—уроженка Петербурга, по мужу г-жа Торбица, дочь г. Костовича, извѣстнаго изобрѣтателя дирижабля.

Общество «Коло српскихъ сестара», въ пользу котораго я предназначилъ доходъ отъ продажи настоящаго моего изданія, открыло свою больницу на 200 кроватей. Больница эта очень хорошо обставлена. Много дамъ высшаго бѣлградскаго общества здѣсь проявляютъ свои высоко-гуманныя чувства къ тѣмъ, которые героически жертвовали собою на великое славянское дѣло. Дѣятельность этого высоко симпатичнаго общества заслуживаетъ полного участія и поддержки

Въ австрійскомъ лазаретѣ Краснаго Креста, о которомъ я выше говорилъ, помѣщены одни раненые арнауты,—свои люди. Серба нѣтъ ни одного.

Когда я уѣзжалъ изъ Бѣлграда, туда прибылъ отрядъ англійскаго Краснаго Креста съ большимъ персоналомъ врачей и санитаровъ. Если что-нибудь дѣлаютъ англичане, то дѣлаютъ исключительно хорошо. Во всемъ у нихъ видна высокая культура народа.

Вообще, раненые въ Сербіи размѣщены и содержатся прекрасно; окружены заботливостью, имѣютъ безукоризненный уходъ и безукоризненную медицинскую помощь.

Заключеніе.

Я долженъ сказать нѣсколько словъ о сербской цензурѣ.

Слѣдуетъ вполнѣ одобрять ту строгость, тѣ мѣры и порядокъ, которые выработали главные штабы сербской и болгарской армій по отношенію къ корреспондентамъ собственной и иностранной печати.

Понятно, нельзя дать воли нашему брату, военному корреспонденту. Понятно, нельзя каждаго допускать впередъ, гдѣ видны передвиженія, концентрація и т. д. Бывали случаи въ былыхъ войнахъ, что какое нибудь извѣстіе корреспондента давало извѣстную нить непріятелю какъ о движеніи, такъ и о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ противника и непріятель, пользуясь этими извѣстіями, сообразно измѣнялъ свои дѣйствія.

Но если въ этомъ отношеніи работа корреспондента можетъ быть отрицательна и вредна, то есть другая сторона, очень полезная и даже необходимая. Поэтому, слѣдуетъ стремиться, не нарушая эту полезную сторону, обезвредить отрицательную.

Отрицательная сторона выработанными сербскимъ и болгарскимъ штабами мѣрами была парализована, но не было ничего сдѣлано для проявленія положительной стороны дѣятельности корреспондентовъ.

Наполеонъ сказалъ, что если нужна побѣда, то также нужно, чтобы о ней знали и елико возможно скорѣе. Въ самомъ дѣлѣ, армія можетъ побѣждать, когда съ нею народъ. Настроеніе народа не только видимымъ проявленіемъ передается войскамъ и воодушевляетъ ихъ, но есть и невидимая сила, которая внушаетъ войскамъ волю народа. Настроенію народа, его волевому импульсу нельзя дать ослабнуть доколѣ дѣло не окончено. Это психологическая сторона дѣла, но есть и другая. Вѣдь тамъ на полѣ сраженія сыновья, братья, мужья оставшихся въ странѣ. Каково ихъ состоя-

ніе когда ничего не знаютъ о своихъ близкихъ, не знаютъ, живы ли они, здоровы ли, побѣждаютъ ли, какъ себя держать и т. д. Нельзя оставить ихъ въ невѣдѣніи, въ ужасномъ состояніи. Потому необходимо какъ можно скоро оповѣщать о событіяхъ, происходящихъ на полѣ сраженія. Необходимо, чтобы почтовая и телеграфная службы работали самымъ исправнымъ образомъ. Вотъ эта служба была изъ рукъ вонъ плохо. Врядъ ли могла быть хуже. Войска заботились о телефонномъ и телеграфномъ сообщеніи между отдѣльными частями войскъ и командъ. Эта часть была удовлетворительна, но за то о томъ, что за этимъ, военные не хотѣли совсѣмъ знать. Телеграммы получались черезъ десять-пятнадцать дней, письма совсѣмъ пропадали, или приходили очень поздно.

Затѣмъ ни одно государство, какъ бы оно сильно ни было, а тѣмъ болѣе малое государство, не можетъ игнорировать настроеніе общественнаго мнѣнія вообще европейскихъ народовъ, ибо теперь интересы всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ очень переплетены,—каждое государство въ

каждомъ государствѣ имѣть интересы и экономическіе и политическіе.

Кромѣ того боевые успѣхи сильно отражаются на цѣнностяхъ, главнымъ образомъ, собственной страны. Сообщенная побѣда не только что на нѣсколько дней, но даже на нѣсколько часовъ позже, иногда приносить большой матеріальный ущербъ и государственнымъ и частнымъ цѣностямъ.

Военные люди всего этого не хотятъ знать; они говорятъ: «нужна побѣда; мы должны стремиться къ ней; а тамъ политическая, финансовая и другія стороны дѣла насъ мало интересуютъ». Такое мнѣніе мнѣ приходилось не разъ слышать. Согласиться съ нимъ никоимъ образомъ нельзя. Побѣда есть главное, это понятно; она источникъ достиженія благъ, но максимума благъ можно достигнуть, когда будутъ приняты во вниманіе и предвидѣны положенія какъ политическаго, такъ и экономическаго характера.

Личныя отношенія къ корреспондентамъ были наилучшія; предупредительность, большая забота, все было, но средства пре-

поставленные имъ для быстрого и всесторонняго исвѣщенія, понятно, въ границахъ наистрожайшаго подчиненія цензурѣ, даже безъ разрѣшенія бывать въ передовыхъ частяхъ, были весьма и весьма неудовлетворительны и не могутъ быть ничѣмъ оправданы, какъ отсутствіемъ надлежащаго персонала, который былъ употребленъ для боя. Лишнихъ 100—200 солдатъ (чиновники почты и телеграфа) не могли ослабить силу арміи и принести большую боевую пользу; тогда какъ отсутствіе ихъ на своемъ дѣлѣ безусловно принесло и извѣстный вредъ и большое неудовольствіе какъ собственнаго, такъ и европейскаго общественнаго мнѣнія.

Къ сказанному раньше объ участіи народа въ борьбѣ съ турками и побѣдѣ надъ ними я въ заключеніе приведу нѣсколько характерныхъ особенностей этого народнаго движенія.

Вслѣдъ за столь быстро наступающей арміей можно было наблюдать вереницы людей, направляющихся къ мѣстамъ битвъ.

Эти вереницы людей, съ котомками на плечахъ, плетутся сотни верстъ пѣшкомъ изъ Сербіи; въ поѣзда ихъ не пускаютъ,

поѣзда для надобностей войскъ. Это преимущественно старики, старушки, попадаются среди нихъ и юноши лѣтъ четырнадцати-шестнадцати. Это отцы, матери, сироты-дѣти, идущіе искать своихъ сыновей, своихъ отцовъ. Они несутъ имъ гостинецъ-калачъ, который уже затвердѣлъ какъ камень; давно они уже покинули свои дома; нѣсколько динаровъ, чтобы было у сына на всякій случай.

Блуждаютъ эти пилигримы съ одного мѣста на другое. Кто укажетъ имъ, гдѣ полкъ, гдѣ рота, которыхъ они ищутъ?

Никто.

А они идутъ, идутъ, пока не найдутъ своихъ дорогихъ, если они не погребены.

Бывали случаи—найдетъ отецъ сына, а тому въ бой идти уже нужно, въ цѣпь становиться, и отецъ идетъ съ сыномъ въ цѣпь, ложится рядомъ съ нимъ. Тому некогда обращать вниманіе на ласки родителя, ему надо стрѣлять, побѣждать врага.

И отецъ хорошо это понимаетъ; знаетъ, что сынъ правъ, радуется этому; идетъ за нимъ безъ страха, смотритъ, какъ сынъ стрѣляетъ, рискуя и самъ быть убитымъ.

Если сынъ раненъ, онъ счастливъ, что находится около него; выносить его изъ огня, а если убить—безъ слезъ хоронить, приговаривая:

— Онъ исполнилъ свой долгъ, я счастливъ, что имѣлъ такого сына.

Мнѣ рассказывалъ одинъ офицеръ артиллеристъ про такой случай: батарея на позиціи открыла огонь по непріятелю; вдругъ вижу около одного орудія присѣлъ старикъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спрашиваю.

— На сына смотрю, какъ стрѣляетъ.

— Пошелъ вонъ, еще убьютъ тебя.

— Нѣтъ, ужъ разрѣшите полюбоваться, а убьютъ, что жъ дѣлать, я свою жизнь отжилъ.

При такомъ общемъ воодушевленіи, понятно, побѣда была обезпечена.

Пусть надъ этимъ призадумаются тѣ, которые хотятъ отнять плоды побѣды у этого народа.

Перейдя теперь къ Балканскому союзу, я долженъ сказать, что, что бы ни говорили враги его о его непрочности, союзъ этотъ

прочень и непоколебимъ, особенно между Болгаріей, Сербіей и Черногоріей.

Интересы каждой союзной страны отдѣльно—это интересы всѣхъ вмѣстѣ, и онѣ всѣ будутъ защищать ихъ всѣми своими средствами.

Союзъ этотъ не только не ослабнетъ, но, наоборотъ, въ будущемъ онъ разовьется: вначалѣ въ экономическое объединеніе, а затѣмъ, Богъ дастъ, пойдетъ и дальше этого.

Всѣ усилія враговъ помѣшать упроченію его будутъ тщетны; искры недовѣрія, бросаемаыя врагами союза между союзниками, будутъ гаснуть по пути и костра не зажгутъ...

Говоря о балканскомъ союзѣ, необходимо отдать должное нашему посланнику въ Бѣлградѣ Гартвигу. Этотъ дипломатъ прекрасно понялъ значеніе общности Балканскихъ государствъ между собою и всѣхъ ихъ съ Россіей. Заключение балканскаго союза, особенно между Болгаріей и Сербіей, этого главнаго фактора въ рѣшеніи восточнаго вопроса, многимъ обязано Гартвигу. Нельзя отрицать, что и министръ иностранныхъ

дѣль Сазоновъ и, вообще, министерство это имѣють большія заслуги въ этомъ вопросѣ. Гартвигъ, этотъ испытанный дипломатъ, прекрасно понимающій истинные интересы Россіи, весьма цѣнимъ не только въ Сербіи, гдѣ онъ акредитованъ, но не меньше и въ Болгаріи, гдѣ весьма высоко цѣнили его совѣты. Онъ не мало содѣйствовалъ благополучному рѣшенію вопроса о войнѣ съ Турціей, и я увѣренъ, что если гдѣ слѣдуетъ не будутъ пренебрегать его совѣтами, то споръ между Сербіей и Австріей, будетъ разрѣшенъ въ интересахъ Сербіи, значить и Россіи и всѣхъ балканскихъ союзниковъ.

Я долженъ упомянуть и о покойномъ Курилѣ-Симентовскомъ, бывшемъ нашемъ посланникѣ въ Софіи. Этотъ, по моему мнѣнію, выдающійся дипломатъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ лицъ, работавшихъ надъ союзомъ Болгаріи и Сербіи. Онъ былъ высокоуважаемъ въ обоихъ балканскихъ государствахъ. Вѣчная ему память. Также его умнѣйшая и тактичная супруга Ольга Николаевна, урожденная Шелкингъ, была и уважаемая и любимая на Балканахъ.

Затрагивая вопросъ объ интересахъ отдѣльных членовъ балканскаго союза, невольно хочется сказать нѣсколько словъ о вопросѣ, который можетъ имѣть большія послѣдствія, быть можетъ, очень печальныя, но лишь для тѣхъ, которые его возбуждали и раздуваютъ. Я подразумѣваю вопросъ о выходѣ Сербіи въ Адриатическому морю.

Австрія и Италія выдвинули вопросъ объ образованіи самостоятельной или автономной Албаніи.

Кажущееся единодушіе этихъ двухъ державъ въ этомъ вопросѣ становится понятнымъ, когда знаешь, что оба эти государства имѣютъ виды на Албанію. Каждое изъ нихъ хотѣло бы имѣть здѣсь часть Турецкой Имперіи съ побережьемъ.

Австрія хотѣла бы владѣть этимъ побережьемъ изъ боязни, чтобы оно не досталось ея «вѣрной» и «искренней» союзницѣ Италіи, которая, обладая албанскимъ портомъ Валона (или Авлона), природою созданнымъ для военной гавани, была бы тогда владычицей Адриатическаго моря, и это море оказалось бы тогда для Австріи

закрытымъ, а Австрія въ немъ замкнутой:

Италія же хотѣла бы здѣсь укрѣпиться именно для этой цѣли.

Но такъ какъ ни одна изъ этихъ двухъ державъ безъ войны ни за что не допустить свою «союзницу» до обладанія сказаннымъ побережьемъ, казалось бы, что для нихъ обѣихъ самое лучшее было бы предоставить это владѣніе одной изъ тѣхъ державъ, которыя не имѣютъ, подобно Австріи или Италіи, обоюдно угрожающихъ плановъ. Сербія и Греція, которыя могли бы раздѣлить между собою это побережье Адриатическаго моря, были бы самыми безопасными въ этомъ отношеніи державами. Ни та, ни другая никогда не стремились бы, да и не могли бы никого запереть въ Адриатическомъ морѣ.

Такъ почему же обѣ эти державы-конкурентки такъ сошлись въ данномъ вопросѣ?

Каждая изъ этихъ двухъ «дружественныхъ» державъ ждетъ только удобнаго момента, когда, воспользовавшись благопріятной конъюнктурой силъ, могла бы взять, уже безъ согласія своей союзницы, ключъ

къ Адриатическому морю, ибо Валона дѣйствительно является этимъ ключомъ.

Но Австрія никогда не будетъ обладать этимъ ключомъ, такъ какъ для того, чтобы ключъ этотъ былъ дѣйствителенъ, необходимо обладать и противоположнымъ берегомъ, т. е. итальянскимъ, добраться до котораго врядъ ли Австрія можетъ даже мечтать. Вѣдь съ Италіей она всегда и безповоротно простилась, и у нея могутъ быть лишь грустныя воспоминанія объ Италіи, съ правительствомъ которой она теперь такъ «дружна».

Австрія, видите-ли, теперь преисполнилась сознаніемъ, что Балканскій полуостровъ долженъ существовать для балканскихъ народовъ.

Но всегда Боснія и Герцеговина считались также на Балканскомъ полуостровѣ:

Навѣрное Австрія предоставитъ боснякамъ и герцеговинцамъ, такъ же, какъ и албанцамъ, право провозгласить Боснію и Герцеговину самостоятельнымъ государствомъ?!

Европейскіе дипломаты, очевидно, ради того, чтобы имѣть налицо кость, изъ-за ко-

торой Австрія и Италія, дѣлая другъ другу глазки, готовы были бы на-смерть разодратъся, соглашаются и, повидимому, свыклись даже съ мыслью о созданіи какой-то самостоятельной Албаніи.

Но если бы ихъ спросить, что это за народъ албанцы и каково ихъ государственное прошлое, то врядъ-ли господа дипломаты могли бы дать точный отвѣтъ, какъ не могли бы точно указать, какими границами опредѣляется территорія этого албанскаго народа, для котораго они хотятъ создать особое царство.

Албанія въ совокупности никогда не была самостоятельнымъ государствомъ. Иногда отдѣльныя маленькія племена управлялись сами собою, не имѣя никакого государственнаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, строя.

Албанія послѣдовательно находилась подъ властью Рима, Греціи, Венеціи, Сербіи долгое время, Черногоріи (сѣверная часть послѣ паденія Сербскаго царства) и, наконецъ, Турціи.

Албанія населена нѣсколькими мелкими племенами, отличающимися другъ отъ друга

и по характеру, и по языку, и по обычаямъ, и ничего общаго между собою неимѣющими, кромѣ развѣ того, что составляли одну общую административную единицу, по чисто практическимъ и географическимъ соображеніямъ того изъ государствъ, подъ властью котораго они находились.

Не только у албанцевъ нѣтъ одного общаго литературнаго языка, но у нихъ нѣтъ вообще никакой литературы, какого-бы ни было нарѣчія отдѣльныхъ племенъ.

Есть албанцы католики, есть православные, есть и магометане, именуемые по-турецки арнаутами. Всѣ эти національности враждуютъ между собою, особенно христіане съ магометанами. Что за народъ албанцы, особенно мухамеданѣ-арнауты, вполне ясно изъ ранѣ мною о нихъ изложеннаго.

Размѣры границъ Албаніи всегда были крайне разнообразны и зависѣли отъ усмотрѣнія государства, во владычествѣ котораго они находились.

Если судить по австрійскимъ географическимъ картамъ, Албанія занимаетъ и Ново-Базарскій санджакъ, и Старую Сербію, колыбель сербства, часть Македоніи

и часть Эпира. И дѣйствительно, тутъ всюду встрѣчаются арнауты, которыхъ Турція, надѣлая христіанскими землями, насаждала здѣсь для истребленія христіанскаго населенія и поддержанія въ немъ страха и покорности.

Такъ развѣ только изъ-за этого все это пространство должно быть включено въ границы проектируемой Албаніи?

Какое государство можетъ создать племя, у котораго нѣтъ государственности ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, нѣтъ литературы, нѣтъ литературнаго языка, нѣтъ людей, которые могли бы создать правительство, вообще нѣтъ налицо никакихъ элементовъ возможнаго государственнаго строя. Если ихъ предоставить самимъ себѣ, то создастся только анархія.

Слѣдовательно нужно будетъ поручить какой нибудь изъ державъ ввести государственный строй. Создать государство со всѣми присущими ему атрибутами.

Но какой же изъ державъ можно поручить эту нелегкую обязанность?

Австріи? О, та бы съ радостью приняла на себя эту «просвѣтительную» миссію.

Но что скажетъ тогда Италія,—ея союзница?

Поручить Италіи?

Но что скажетъ Австрія?

Обратиться къ анонимнымъ бельгійцамъ? Тоже ничего не выйдетъ. Такъ и выйдетъ, что никому. И изъ свободной Албаніи выйдетъ одна пародія.

Но что бы ни говорили, а Сербіи нужно дать выходъ къ Адриатическому морю. Сербія безъ этого выхода къ морю не можетъ существовать, какъ независимое государство.

Для Сербіи это вопросъ жизни. Этотъ вопросъ давно стоитъ на очереди, но его тормозитъ сосѣдняя съ Сербіей монархія.

Сербія многимъ пожертвовала при выработкѣ условій союза ради того, чтобы союзныя государства способствовали ей для достиженія этой цѣли.

И теперь двуликая монархія ставитъ ей свое вето!

По какому праву?

— Экономическіе интересы мои затрагиваются,—говоритъ она.

Но вѣдь Сербія никогда не была вассаломъ Австріи?

Что она хорошаго сдѣлала для Сербіи?

Австрія не можетъ указать, какіе ея жизненные интересы нарушаются существованіемъ сербскаго порта на Адриатическомъ морѣ. «Мы не хотимъ, говорятъ въ Вѣнѣ, имѣть между нами и Албаніей сосѣда въ родѣ Сербіи».

Но существуетъ же между Австріей и Албаніей Черногорія!

Что же, Австрія полагаетъ съѣсть ее?

Не поперхнется ли она ею?

Доводы, что Россія въ сербскомъ портѣ будетъ имѣть базу для своего флота противъ Австріи, врядъ ли могутъ быть приняты въ серьезъ.

Пуганіе Россіей потеряло свой эффектъ—черезъ-чуръ ужъ этимъ злоупотребляютъ!

Если дойдетъ до столкновенія Россіи съ Австріей, то не съ Адриатическаго моря русскіе будутъ брать Вѣну—путь къ ней ведетъ съ другой стороны.

Почему Балканскій рынокъ долженъ быть австрійскимъ?

Почему онъ не долженъ быть русскимъ?

Австрія и въ будущемъ можетъ конкурировать съ своею союзницею Германією за обладаніе балканскимъ рынкомъ. Германія уже давно стала отнимать его отъ своей союзницы.

Почему вся Европа, весь міръ, должны почитать одну Австрію, заботиться объ ея лишь интересахъ?

По какому праву она препятствуетъ Сербіи воспользоваться плодами ея матеріальныхъ жертвъ, пролитой крови, ея трудовъ по созданію и образованію крѣпкой и сильной арміи?

По праву сильного?

Но не много ли она беретъ на себя? Вѣдь не всеильная же она?

Если обратимся къ исторіи, то врядъ ли исторія дастъ намъ матеріаль, который бы указалъ на военные успѣхи Австріи въ прошломъ.

Да, много найдемъ матеріаловъ, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ ея хитрости и лукавства, приводившихъ къ одурачиванію ея партнеровъ.

Но не все коту масленица. Дозволительно чтобы хоть разъ для Австріи наступилъ и

Великій Постъ. Дозволительно хоть разъ сказать ей: «руки прочь».

Нельзя безнаказанно залѣзать въ карманъ сосѣда, играя исключительно на миролюбіи другихъ.

Европа говоритъ: нельзя вызывать обще-европейской войны изъ-за какого-то порта для Сербіи.

Къ этому разумному голосу трудно не присоединиться.

Но кому эта фраза должна быть направлена?

Я думаю, не намъ. Вѣдь не мы хотимъ вызвать эту войну изъ-за порта. Мы должны совмѣстно съ Европой сказать: «портъ долженъ быть данъ Сербіи, нельзя изъ-за него затѣвать европейскую войну, никому этотъ портъ не можетъ мѣшать, а Сербія, какъ независимое государство, безъ него существовать не можетъ».

Непростительно и даже преступно было бы со стороны не только Россіи, но и другихъ членовъ тройственнаго соглашенія оставить въ экономическомъ порабощеніи Сербію—свою союзницу.

Какъ извѣстно, минимальная экономическая

ческая зона для всякой желѣзной дороги, даже тамъ, гдѣ эти пути не составляютъ счастливое исключеніе, считается не менѣе 50 километровъ въ совокупности съ обѣихъ сторонъ дороги. Мѣстность, по которой должна быть проложена сербская дорога до порта, очень гориста. Прокладка дороги потребуетъ весьма большихъ затратъ. Путей сообщенія буквально никакихъ.

Какъ-же можно при такихъ условіяхъ говорить о проложеніи дороги въ какой-то зонѣ, шириной въ 10-15 километровъ, на протяженіи 80-90 километровъ!

Можетъ-ли согласиться Сербія на обладаніе зоной, которая можетъ быть во всю свою ширину обстрѣлена съ границъ сосѣднаго государства?

Развѣ можетъ Сербія согласиться на сооруженіе желѣзной дороги въ зонѣ такой ширины, гдѣ всякій арнауть безнаказанно, въ теченіе одного часа, можетъ пробраться черезъ границу, испортить желѣзную дорогу и спокойно возвратиться въ предѣлы своей «государственной» границы?

Это полнѣйшій абсурдъ.

А абсурдомъ врядъ ли могутъ руковод-

ствовать европейскіе дипломаты. Правда, австрійская дипломатія, въ своей прошлой дѣятельности, не разъ пыталась доказать своимъ коллегамъ, что бѣлое можно принять за черное, а черное за бѣлое. Но въ настоящее время химія сдѣлала большой прогрессъ и открыла массу новыхъ средствъ для распознаванія цвѣтовъ. Теперь можно улавливать «даже скрытые, невидимые простымъ глазомъ» цвѣта.

Если господа дипломаты мало знакомы съ химіей, а этого можно отъ нихъ ожидать, такъ какъ они обыкновенно ни съ чѣмъ не бываютъ знакомы, то пускай пригласятъ химиковъ: тѣ навѣрно сумѣютъ разрѣшить споръ съ Австріей. Военные химики вѣдь хорошо знакомы со взрывчатыми веществами, съ эффектомъ орудійнаго и оружейнаго огня, дипломаты же, особенно наши, игнорируютъ эти въ нашъ вѣкъ категорическія знанія и умѣніе ими пользоваться.

Я убѣжденъ, что въ настоящее время правительство наше понимаетъ, гдѣ лежатъ интересы Россіи и въ чемъ они заключаются. Конъюнктура силъ измѣнилась не въ ущербъ Россіи и ея союзниковъ. Умѣніе

воспользоваться этой конъюнктурой есть средство сохранить миръ. И я убѣжденъ, что какъ бы ни пугали насъ эфемерными страхами внутренняго котла, Россія сумѣетъ употребить себѣ на пользу создавшуюся конъюнктуру силъ и не оставитъ на произволъ врагамъ нашу вѣрную предстражу, которую враги ни обѣщаніями, ни подарками, а тѣмъ менѣе угрозами не въ состояніи отворотить отъ насъ, своихъ вѣрныхъ друзей. Но и мы должны дать имъ болѣе вѣскія доказательства дружбы и поддержки.

Недостаточно лишь восторгаться ихъ побѣдами, ихъ успѣхами, нельзя предаваться одному ликованію, — врагъ уже насторожился!

Ноябрь 1912 годъ
(годъ начала новой славянской эры).

